

КАК ИЗУЧАТЬ СЕГОДНЯШНЮЮ РОССИЮ

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

*Результаты мониторинга
«Наши ценности и интересы сегодня» (1990—2002 гг.)*

Н.И. ЛАПИН

Центр изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН провел летом 2002 г. опрос «Наши ценности и интересы сегодня». На основе репрезентативной выборки, включавшей 20 регионов страны, получены более 1000 полторачасовых интервью (101 вопрос). Интервью проводились в доверительной обстановке, по месту жительства респондентов (на дому).

Представляемое четвертое исследование, проведенное под руководством автора в рамках всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня», началось еще в советской России (в границах РСФСР, 1990 г.) и продолжается по той же программе, что позволяет надежно сопоставлять данные развития современной России с ее советским периодом. Весь цикл исследований (1990, 1994, 1998, 2002 гг.) является комплексным. Он охватывает: социально-политический и экономический аспекты жизни; базовые ценности и нормы поведения населения; его труд, доходы, повседневные интересы, оценки своего настоящего и ближайшего будущего¹.

Вниманию читателей предлагаются важнейшие результаты всех четырех опросов, в особенности последнего².

Данная статья может быть использована в качестве учебного материала к курсу «Трансформационный процесс в России: социальные механизмы институциональных изменений».

¹ По результатам первых трех исследований опубликованы пять монографий, среди них: [Лапин 2000; Беляева 2001].

² Автор выражает глубокую благодарность: участникам разработки программы мониторинга — Л.А. Беляевой, В.П. Горяинову, Г.М. Денисовскому, А.Г. Здравомыслову, А.Г. Климову, П.М. Козыревой, В.В. Колбановскому, В.Ю. Копыловой, Н.Ф. Наумовой, В.А. Ядову; Центру социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф.Э. Шереги — проведение интервью и обработка данных;

Российскому гуманитарному научному Фонду (финансовая поддержка мониторинга проекты — 1994-2002 гг.; проект № 03-03-00166, в рамках которого подготовлена данная статья).

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Социальное самочувствие населения России

Начнем с социального самочувствия россиян.

Во всех исследованиях содержался вопрос: «*Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?*». Результаты ответов представлены в табл. 1.

Как видим, по самооценкам населения, в 1990—1998 гг. стали жить хуже (в сравнении с предыдущим годом) 42—50 %, а улучшение жизни отметили лишь 13—21 %, т. е. в 2—3,7 раза меньшее число людей. В 2002 г. доля первых снизилась до 25 %, а вторых возросла до тех же 25 %. Почти вполнину увеличилось число тех, чей уровень жизни не изменился.

Более конкретный анализ показывает, что в 2002 г. ухудшилась жизнь населения малых городов, прежде всего женщин старше 60 лет, а улучшилась у молодых мужчин (20—35 лет) в средних городах. Противоречивая ситуация наблюдается в крупных городах у людей зрелого возраста (35—54 года): одни из них отмечают ухудшение своей жизни, другие — улучшение. Ожидания относительно уровня жизни в ближайшем году в основном соответствуют текущей ситуации: у кого жизнь ухудшилась, те настроены пессимистично, а у кого она улучшилась — оптимистично.

В трех из четырех исследованиях мониторинга присутствовал вопрос: «*Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?*». Ответы дают обобщенную характеристику самочувствия населения страны. За самооценкой просматривается и оценка условий жизни, предоставляемых обществом. Она служит обобщенной субъективной характеристикой социального порядка.

Изменения общей удовлетворенности жизнью отражают драматизм развития российского общества в 1990-х годах (рис. 1). Если на исходе советской эпохи своей жизнью были удовлетворены около 40 %, то после остроконфликтной трансформации (1994 г.) их стало в два с лишним раза меньше (17,1 %). Показательно сокращение «полностью удовлетворенных» жизнью с 10,2 % до 1,3 %. К 2002 г. их доля стала немного заметнее (3,8 %), а общая удовлетворенность (37,2 %) почти восстановилась до советского (перестроечного) состояния (39,6 % в 1990 г.).

Эта динамика подтверждается и уточняется симметричными изменениями общей неудовлетворенности своей жизнью. Еще до распада СССР доля неудовлетворенных составила около 55 %, что многие аналитики того времени воспринимали как неожиданно высокую. Через четыре года она превысила 80 %, засвидетельствовав катастрофу не только советского общества, но и советского человека. Правда, число «совсем неудовлетворенных» повысилось незначительно (с 8,6 % до 10,6 %), что скорее свидетельствует об инерционном оптимизме россиян. Зато к 2002 г. общая неудовлетворенность жизнью снизилась почти в 2 раза и составила 44,0 %, т. е. на 10 % меньше, чем в кризисном советском обществе. Такой же уровень неудовлетворенности жизнью (44,2 %) был зафиксирован ВЦИОМом в июле 2000 г. [Мониторинг 2000, с. 61] Даже совсем неудовлетворенных стало меньше, чем в 1990 г. (7,3 % против 8,6 %).

Одновременно резко увеличилось число «затруднившихся сказать точно»: в 1990 г. их было 4,4 %, в 1994 г. всего 0,9 %, а в 2002 г. они составили внушительную величину (17,7 %), которую можно рассматривать как ослабление негатив-

Таблица 1 Мнения об изменении уровня жизни, % опрошенных

Оценка	Год			
	1990	1994	1998	2002
Намного лучше	2,8	2,2	1,2	2,1
Несколько лучше	10,8	18,8	14,0	23,0
Без изменений	31,4	35,9	33,4	47,6
Несколько хуже	29,8	33,4	30,8	19,6
Намного хуже	20,2	9,1	18,2	5,6
Не знаю	4,2	0,3	2,0	1,7
Отказ от ответа	0,8	0,4	0,5	0,5

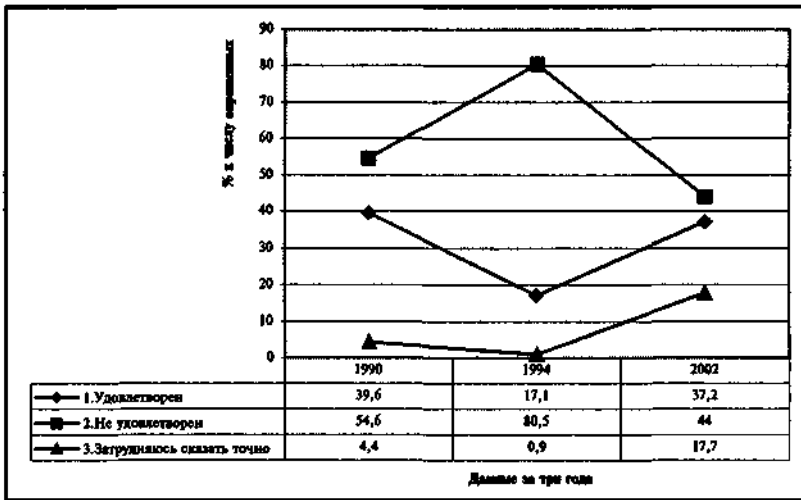

Рис.1 Удовлетворенность населения России своей жизнью

ного самоощущения этой части населения и появление позитивных элементов (начало движения от «не очень удовлетворен» к «скорее удовлетворен»).

Ответы на вопрос: «*Насколько Вы сегодня спокойны или не уверены относительно своего будущего?*» (рис. 2) характеризуют самочувствие населения с учетом предыдущего вопроса. Уверенность в будущем в два раза ниже удовлетворенности жизнью, а неуверенность примерно равна неудовлетворенности. Неопределенные ответы дают преимущественно те, кто не «полностью», а «скорее удовлетворен» жизнью.

На предпоследнем году советской власти лишь 20 % взрослого населения достаточно спокойно смотрели в свое будущее. К тому времени перестроечная эйфория уже дала трещину, неуверенность в будущем охватила более половины населения (56 %). Период обвальных реформ еще вдвое сократил цифру спокойных за свое будущее, каждые четверо из пяти россиян лишились такой уверенности. Во второй половине 1990-х годов ситуация стабилизировалась; к 2002 г. спокойствие за будущее восстановилось до уровня 1990 г., а неуверенность даже стала на 10 % меньше; но не определившихся с оценкой пока в полтора раза больше.

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

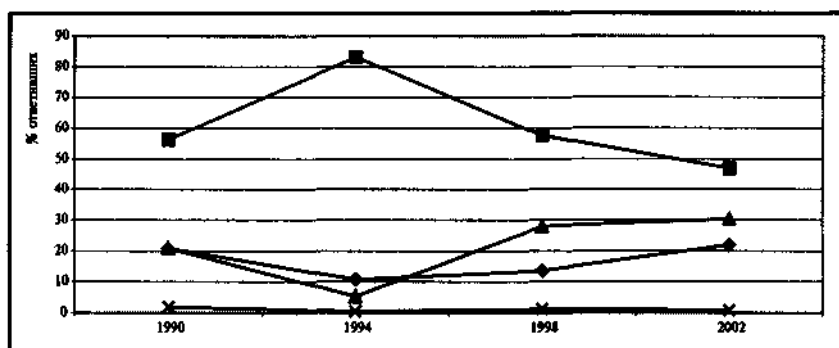

Рис. 2 Изменение настроения россиян относительно своего будущего

Таким образом, растет доля россиян, условия жизни которых улучшаются. Однако сохраняются не менее 25 % беднейших слоев населения, условия жизни которых продолжают ухудшаться. В целом прежняя катастрофическая неудовлетворенность населения России своей жизнью сменяется умеренной неудовлетворенностью, снижается неуверенность россиян в своем будущем. Социальное самочувствие населения улучшается, становится оптимистичнее. Природа этого оптимизма нуждается в критических исследованиях. Важный шаг в данном направлении сделал Ю.А. Левада, который показал наличие разных горизонтов и цветов надежд, взаимосвязь надежд, успехов и тревог населения современной России [Левада 2003].

Где предпочитают работать россияне

Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих, от начальника по работе или от районной, республиканской, общероссийской власти?» свидетельствуют о постоянном и весьма значительном росте осознания того, что улучшение жизни человека зависит от него самого и от его близких: если в 1990 г. это отмечали 43,3 %, то в 2002 г. — 78,3 %, т. е. увеличение произошло почти в два раза (рис. 3). Это один из самых значительных показателей изменения социального порядка. Да, причины разные, преобладают негативные, трудные для человека, принудительные. Но все же это экономическое принуждение, а не административно-силовое.

Негативный ответ «не зависит от самого себя» характеризует самоотчуждение человека от своих возможностей (рис. 4). Это самоотчуждение сохранялось с 1990 г. на значительном уровне и даже возросло до 1998 г. включительно (с 19,4 % до 22,7 %). Но к 2002 г. оно резко снизилось (до 13,1 %). Доля людей, ощущающих свою беспомощность, впервые стала меньше, чем при советской власти (в 1990 г.), причем снизилась резко — на треть за 4 года.

В обоих вариантах ответов («зависит», «не зависит») рубежным оказался 1998 г.: в дальнейшем почти на одну пятую увеличилась доля россиян, сознающих собственную причастность к улучшению своей жизни, и на две пятых снизилась доля отчужденных от этой первостепенной задачи.

Улучшение жизни зависит от характера экономики и занятости населения. В нашем исследовании постоянно воспроизводится группа вопросов, нацелен-

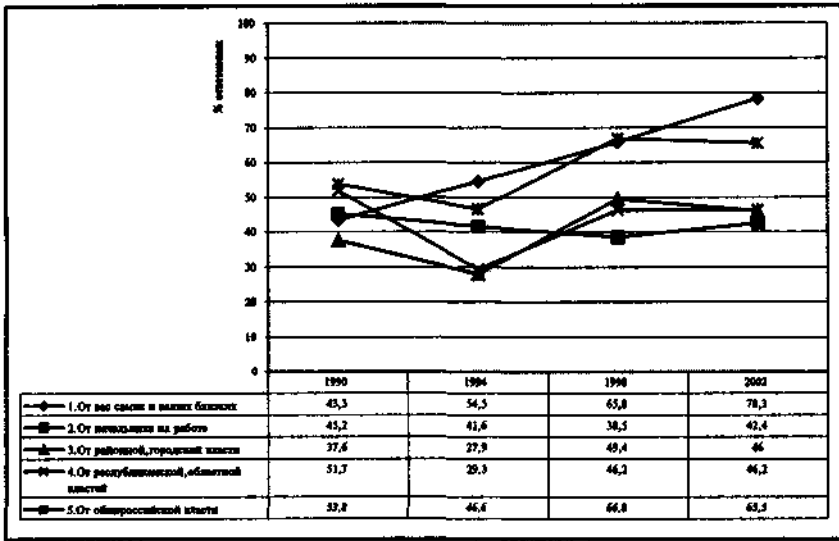

Рис. 3 **Ответы на вопрос о влиянии самого человека и властей разного уровня на улучшение уровня его жизни**

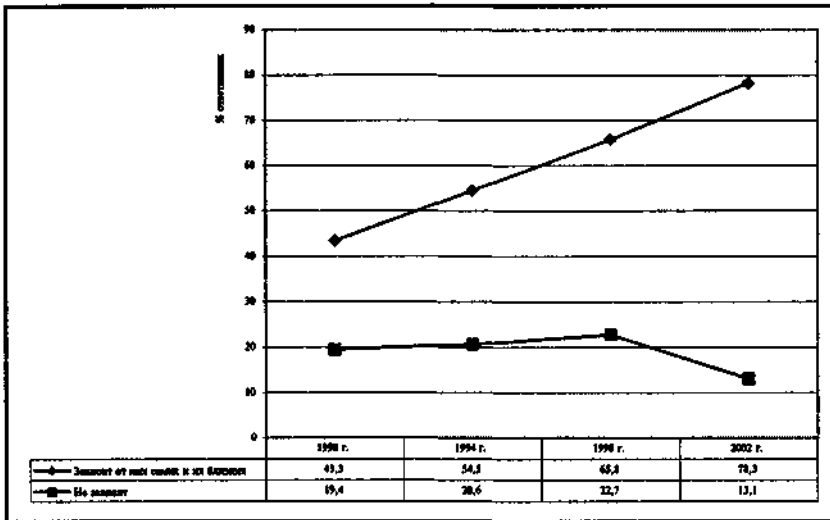

Рис. 4 **Мнения респондентов о зависимости или независимости улучшения их жизни от них самих**

ных на выявление соответствующих предпочтений респондентов. Вначале мы задаем, на первый взгляд, простой вопрос: «Как Вы считаете, надо ли было начинать экономические реформы или не надо?».

Отметим, что в 1990 г., когда еще не было радикальных реформ, мы поясняли вероятные плюсы и минусы (безработица, инфляция, рост цен — недостаток потребительских товаров высокого качества) и спрашивали: «Вы считаете, что в Советском Союзе надо провести такую экономическую реформу или не надо?».

Как видно из табл. 2, после начала реформ (январь 1992 г.) в пользу их необходимости постоянно высказывалось больше респондентов, чем до начала реформ: примерно в 2,5 раза больше «за», чем «против». Лишь в 1998 г. (еще до

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Таблица 2 Динамика оценок о необходимости проведения экономических реформ, % опрошенных

Оценка	Год			
	1990	1994	1998	2002
Надо	46,9	66,4	54,6	62,0
Не надо	17,8	26,5	28,5	22,2
Не знаю	33,7	6,2	15,9	14,9

дефолта) наблюдалось временное снижение поддержки. Число противников начала реформ после 1990 г. также увеличилось на 10 % и оставалось устойчивым, а в 2002 г. появились признаки их постепенного уменьшения. Доля неопределившихся («не знаю») перед началом реформ составляла около трети респондентов, а затем снизилась более чем в 2 раза.

В целом доминирует поддержка начала реформ. По нашим последним данным (2002 г.), выиграли от реформ менее 12 %, не выиграли и не проиграли около 29 %, а проиграли почти 47 %. Следовательно, необходимость начала реформ и сегодня поддерживают многие проигравшие от их реализации.

Как объяснить этот феномен? В поисках ответа задавались еще 2 вопроса: *«Что бы вы лично предпочли: плановую экономику, которая была в стране раньше, или рыночную, которая складывается сейчас?»* *«Какая из двух ситуаций Вам кажется лучшей: когда много товаров, но не каждый может купить их из-за высоких цен, или когда цены низкие, но товаров часто не хватает?»*.

Объединим ответы на эти смежные вопросы в табл. 3 и прокомментируем ее. Отчетливо просматриваются противоречивые тенденции. С одной стороны, в период с 1990 по 2002 г. более чем на 10 % снизилась предпочтительность рыночной экономики и почти на 20 % повысилась предпочтительность плановой. В итоге к 2002 г. их предпочитаемость почти сравнялась и составляет 37—38 %. Доля неопределившихся сохраняется на уровне 20 %. Это существенно отличается от ситуации 1998 г. Тогда все три варианта имели примерно одинаковое число сторонников. С другой стороны, на протяжении 12 лет сохраняется явный перевес предпочитающих много товаров при высоких ценах их дефициту при низких ценах. Этот перевес достигал 40% в 1994 г., а в 1998—2002 гг. стабилизировался на уровне 7—8 %.

Сопоставляя эти тенденции, мы замечаем, что около 5 % предпочитающих «много товаров» не видят связи между достаточностью товаров и рыночной экономикой: 41,9 % — за обилие товаров, но лишь 36,9 % — за рыночную экономику. И столько же предпочитающих плановую экономику не понимают, что она означает «мало товаров»: 38,3 % против 33,2 %. Следовательно, в совокупности 10 % респондентов не понимают связи между типом экономики и наличием товаров в продаже. Их реальные интересы расходятся с осознанием этих интересов в терминах «рыночная — плановая» экономика. Сказываются продолжительное действие прежних идеологических стереотипов и низкая экономическая грамотность широких слоев населения страны.

Особенно наглядно это проявляется в ответах на два однотипных вопроса: *«5 чьих руках должна находиться промышленность?»* и *«В чьих руках должны находиться земли сельскохозяйственного назначения?»*.

Таблица 3 Предпочтения характера экономики, % опрошенных

Ответ	Год			
	1990	1994	1998	2002
Рыночная экономика	48,7	49,7	34,4	36,9
Пусть высокие цены, но много товаров	49,4	61,9	38,6	41,9
Плановая экономика	20,4	34,2	34,2	38,3
Пусть мало товаров, но низкие цены	28,0	22,2	31,2	33,2
Не знаю (а)	28,7	12,6	27,3	21,2
Не знаю (б)	19,2	12,9	23,7	20,7

Таблица 4 Мнения респондентов о субъектах собственности на средства производства, % опрошенных

Ответ		Год			
		1990	1994	1998	2002
Большая часть в руках государства, совхозов, колхозов	промышленность	32,3	20,6	46,4	50,7
	земля с/х назнач.	26,2	24,4	39,7	50,0
Большая часть в руках трудовых коллективов (тех, кто обрабатывает)	промышленность	-	14,2	12,6	10,5
	земля с/х назнач.	-	60,9	37,4	32,5
Большая часть — в частной собственности	промышленность	42,2	12,2	8,1	5,6
	земля с/х назнач.	37,3	11,3	11,9	10,7
Примерно поровну: в руках государства, трудового коллектива, частных лиц	промышленность	-	49,2	25,0	26,7
	земля с/х назнач.	-	-	-	-

Как видно из табл. 4, на волне перестроечной эйфории, в 1990 г. около 40 % респондентов высказались в пользу того, чтобы промышленность и земли сельскохозяйственного назначения находились в частной собственности, а в пользу государственной, в том числе колхозно-совхозной собственности — лишь 26—32 %. В 1994 г. поддержка государственной собственности снизилась до 20—25 %. Но с 1998 г. она стала расти и достигла 50 % (2002 г.). В 1994 г. наиболее популярной была передача промышленности примерно поровну государству, трудовым коллективам и частным лицам (49,2 %), а земли — тем, кто ее обрабатывает (60,9 %). Затем эти варианты перестали доминировать, их поддержка снизилась до 27—32 %. Вариант передачи большей части средств производства в частные руки утратил популярность, его поддержка опустилась к 2002 г. до 5,6 % в промышленности и 10,7 % в сельском хозяйстве.

Разброс предпочтений типов собственности весьма значителен, а их динамика стремительна. И все же более глубокий анализ позволяет сделать пока осторожный вывод о становлении результирующей тенденции, которую можно охарактеризовать как легитимацию многоукладной, или смешанной, экономики. Это такая экономика, в которой равноправны ее основные секторы (частный, коллективный, государственный) и существуют добровольно принятые ими и обязательные правила взаимной их самокоординации, включая взаимоподдержку в критические моменты. В разных отраслях может преобладать тот или иной сектор, но в целом в народном хозяйстве не должно быть монополии ни

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

одного из них. Пока же, как мы видели, в России возобладали неоптимальные предпочтения. Правда, это относится прежде всего к их вербальному выражению.

Вместе с тем наряду с вербальными оценками типов экономики существуют социальные практики, т. е. каждодневные практические действия людей. Например, когда человек выбирает желаемое место работы, а вместе с ним и тип трудовой организации, в которой он желал бы работать. Назовем такую практику выбором социально-трудовой занятости.

Естественно, каждый выбирает, где ему лучше. Где же, в каких социально-экономических типах трудовых организаций сегодня лучше работать россиянам? Прежде всего примем во внимание то, что социально-трудовая мобильность, связанная со сменой социально-экономического типа организации, существенно отличается от профессиональной мобильности, означающей смену профессии, специальности. Последняя более инерционна. На рис. 5 показано, что даже потенциальная профессиональная мобильность имеет достаточно плавный характер. Вместе с тем ее профиль существенно изменяется.

Доля трудоспособных, не желающих менять свою профессию, специальность, за последние 8 лет (с 1994 по 2002 г.) снизилась с 71 % до 52 %. Теперь почти четверть россиян (23,5 %) желают заняться новым видом деятельности и еще около 15 % пока не определили своих намерений. Даже без них налицо высокий уровень потенциальной трудовой мобильности, опережающий реальные предложения рабочих мест по желаемой специальности, профессии.

Профессиональная мобильность сопряжена с социально-трудовой. Чтобы лучше понять потенциал последней, сопоставим фактическую занятость респондентов с их желаниями работать на разных по типам собственности предприятиях. Согласно данным, приведенным в табл. 5, на первом этапе (1990—1994 гг.) изучаемого периода желающих работать в государственных организациях (предприятия, НИИ, вузы, министерства и др.) было меньше, чем уже работающих. На следующих этапах ситуация существенно изменилась: желающих работать в этом секторе стало в 1,6—1,7 раза больше, чем работающих. Немного позднее аналогичная тенденция обнаружилась по отношению к смешанным предприятиям, включая акционерные: в 2002 г. число желающих здесь работать почти вдвое превысило число фактически занятых. Но постоянное и наиболее значительное, многократное превышение (в 3—5 раз) желаний над реальностью наблюдается по отношению к частным хозяйствам (предприятия в личной собственности, ремесленные и подсобные хозяйства, индивидуальная трудовая деятельность и т. п.). В 2002 г. 84,3 % респондентов выразили желание трудиться в этом секторе при фактической занятости в нем 15,8 %. И лишь по отношению к колхозам, совхозам, сельским кооперативам реальность и желания мало различаются; при этом они остаются на самом низком уровне.

В целом налицо значительный рост желаний россиян трудиться на предприятиях различных форм собственности, не замыкаясь на какой-либо одной из них. В последнее время население страны особенно активно откликается на плюральный спектр социально-трудовой занятости. Большинство трудоспособных выразили в 2002 г. желание работать на предприятиях двух-трех форм собственности. Это свидетельствует о том, что отмеченные выше высказывания 50 % респондентов в пользу государственной собственности в промышленности и сельском хозяйстве далеки от их же практических устремлений. Они скорее выражают лишь отвращение к состоявшейся «прихватизации» государственной

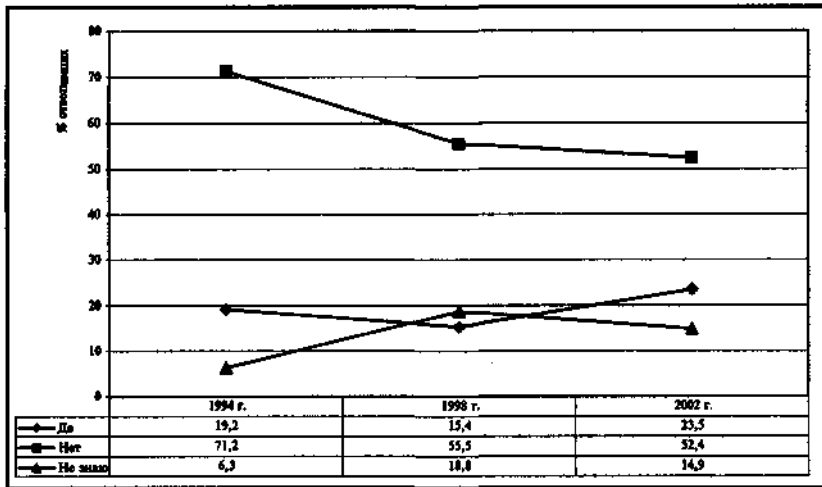

Рис. 5 Эволюция ответов на вопрос «Хотели бы Вы изменить свою специальность, профессию?»

Таблица 5 Фактическая и желаемая занятость россиян на предприятиях разных форм собственности, % опрошенных

Тип предприятия	Год			
	1990	1994	1998	2002
Государственное, работают/желают работать	63,6/51,8	47,5/44,6	28,6/47,0	33,2/55,9
Смешанное, акционерное, работают/желают работать	0,2/7,7	19,1/13,4	17,8/18,9	22,2/42,0
Частное хозяйство, индивидуальная трудовая деятельность, работают/желают работать	3,6/19,4	11,0/32,4	11,6/41,0	15,8/84,3
Колхоз, совхоз, кооператив, работают/желают работать	13,3/19,7	6,1/2,0	4,7/4,0	3,4/10,2

В столбцах доля работающих составляет меньше 100 %, так как среди опрошенных — пенсионеры, учащиеся, безработные и другие категории неработающих. Доля желающих работать больше 100 %, так как многие респонденты, включая неработающих, выбрали более одного места [Беляева 2001, с. 79].

собственности, но отнюдь не отвергают частные предприятия как места своей работы. Рациональное отношение основной массы россиян к экономическим реформам лежит в русле предпочтений смешанной экономики, позволяющей каждому реализовать свой выбор. При этом они могут не связывать себя этим выбором как окончательным: если у человека изменится жизненная ситуация, он сделает другой выбор, более отвечающий его новым потребностям и возможностям. В этом стратегическом направлении формируется вектор социально-трудовой мобильности большинства населения России. Стратегический его характер состоит как раз в том, что он обеспечивает равноправие нескольких векторов такой мобильности.

Если учесть, что желаемые рабочие места чаще всего возникают в новых трудовых организациях, относящихся к негосударственным формам собственности, и допустить, что желание людей работать в том или ином социально-экономическом секторе влияет на фактическую занятость в нем, то можно следующим образом представить баланс основных социальных секторов смешан-

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

ной экономики в недалеком будущем: государственный сектор — 37—42 % занятых; смешанный — 26—30 %; частный — 23—28 %; аграрно-коллективный — 5—7 % занятых. Первые три сектора могут стабилизироваться как самостоятельные, если выработают согласованные правила взаимодействия, даже поддержки, в критических ситуациях, угрожающих самостоятельности любого из них. Малочисленный четвертый сектор необходим всем и сумеет выжить, если хотя бы в одном из них возобладает понимание этой необходимости и ее стратегической выгоды.

Формирование такого понимания зависит прежде всего от основных социальных субъектов, складывающихся в постсоветском российском обществе. Посмотрим, какие тенденции существуют в социальной дифференциации нашего общества, какие новые явления обнаруживаются в его социальной стратификации.

Социальное расслоение российского общества*

Субъективное представление людей о существующей в обществе иерархии и своем месте в ней позволяет определить, с каким слоем идентифицируют себя респонденты. Как видно из рис. 6, основная масса опрошенных относят себя к среднему и ниже, чем среднему, слою. Такое распределение довольно стабильно для последних четырех лет. В 1998 г. здесь располагалось 74,4 %, а в 2002 г. 80,7 % населения. Примечательно, что в 2002 г. уменьшилось, хотя и не слишком, число людей, которые относят себя к низшему слою. Два верхних слоя в совокупности количественно почти не изменились — 4,5 % в 1998 г. и 4,3 % в 2002 г. Такой вид социальной стратификации напоминает стратификацию развитых стран с рыночной экономикой, но при ближайшем рассмотрении большой средний слой, сформированный на основе самоидентификации, никак не свидетельствует о наличии в российском обществе массового среднего класса. Качественные характеристики этого слоя: профессиональный состав, доходы, стратегии экономического поведения, ценностные ориентации и т. д. далеки от современных представлений о среднем классе, наиболее активном, профессионально подготовленном и материально обеспеченном. В России самоотнесение себя к среднему слою — это признание респондента, что он живет так же, как и те, кто его окружают.

Кто составляет средний класс в России? Какое содержание вкладывается в это понятие, когда говорят о необходимости создания в России среднего класса? В социологии средним классом называют ту часть общества, которая по социальному статусу располагается между элитой и основной массой рабочего класса, но в нее не входят крупные собственники и малоквалифицированные служащие. Это гетерогенное образование включает в себя в современных развитых обществах научных и инженерно-технических работников, административный персонал, не занимающий высоких постов, работающую по найму интеллигенцию, городских и сельских мелких и средних собственников, в том числе большую часть крестьянства и фермерства, рабочих высокой квалификации, работников сферы обслуживания и др.

* Автор данного параграфа Л.А. Беляева.

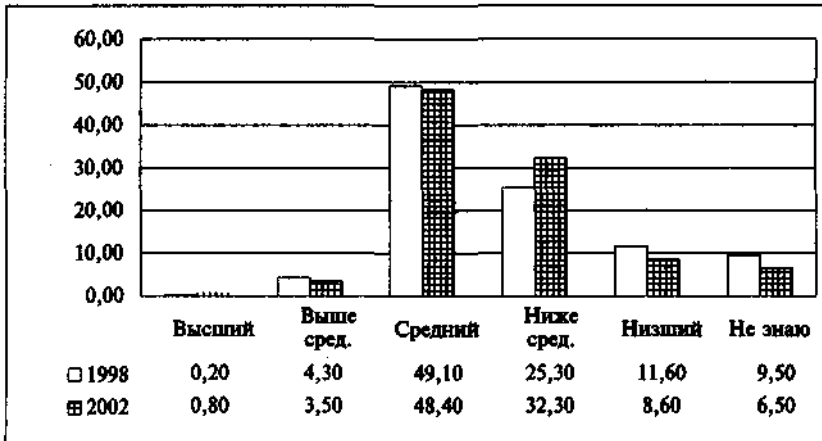

Рис. 6 **Россияне о своей принадлежности к слоям общества**

В странах с рыночной экономикой средний класс — наиболее привилегированная группа наемных работников. Ресурсы власти среднего класса теперь связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями. В России лишь со второй половины 1990-х годов возникли положительные тенденции в формировании среднего класса.

Для определения границ и численности среднего класса мы использовали три критерия: самоидентификацию — отнесение себя к среднему слою в социальной иерархии; уровень дохода среднего класса описывается 4-й и 5-й позициями на шкале доходов — это те, о которых можно сказать, что они условно «обеспеченные» и «зажиточные»; образование, необходимое для обеспечения социально-профессионального статуса среднего класса, должно быть не ниже среднего специального.

Применение трех критериев позволило выделить группу, которую можно отнести к среднему классу. Ее общая численность составила в 2002 г. 14 % населения России. Четыре года назад выделенный по таким же признакам средний класс составлял 9,4 %. Ежегодный прирост в 1 % — неплохой результат для российских условий.

Средний класс — это внутренне неоднородная социальная группа, прежде всего из-за различий в уровне доходов. В ней объединены и те, кто отнесен нами к «обеспеченным», и те, о которых можно сказать, что они уже «зажиточные». Это разделение в современных условиях очень существенно и определяет попадание в нижний или верхний слой среднего класса. Две трети среднего класса составляет нижний слой, одну треть — верхний слой.

В составе нижнего слоя среднего класса (табл. 6) численность женщин превышает численность мужчин на 17,2 %. Видимо, здесь сказывается более высокий уровень образования женщин в России и их большая занятость на государственных предприятиях, чем мужчин. В этом слое сосредоточены наиболее активные возрастные группы — почти 54 % приходится на 25—44 лет. Доля лиц в старшем и пенсионном возрастах в два раза ниже, чем в населении страны. В нижнем слое среднего класса меньше жителей села, но больше жителей Москвы и средних городов.

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Таблица 6 **Объективные характеристики среднего класса (2002 г.), % опрошенных**

	Нижний слой	Верхний слой
Пол:		
мужской	41,4	56,0
женский	58,6	44,0
Возраст, лет:		
до 19	1,0	-
20-24	16,2	9,8
25-34	25,3	41,5
35-44	28,3	24,4
45-54	17,2	19,5
55-59	5,1	4,9
60 и старше	7,1	9,8
Тип поселения:		
деревня, село	12,1	29,3
рабочий поселок	3,0	-
малый город	13,1	14,6
средний город	22,2	19,5
крупный город	31,3	24,4
Москва	18,2	12,2
Образование:		
среднее специальное	44,4	51,2
незаконченное высшее	22,2	10,0
высшее	33,3	38,8

Верхний слой среднего класса также представлен самыми активными возрастными группами: 76 % не старше 44 лет. Мужчин в отличие от нижней части среднего класса на 12 % больше, чем женщин. По сравнению с 1998 г. в этой группе выросла доля жителей средних городов, но на 15,7 % уменьшилась доля жителей Москвы и крупных городов. Ранее здесь проживали 52,7 % верхних средних, сейчас же только 37 %. Этот удивительный факт, свидетельствующий о пространственном расширении базы среднего класса, достоин специального исследования. Переместились ли выбывшие из верхнего слоя среднего класса в Москве и крупных городах в более высокий слой или, наоборот, опустились ниже по иерархической лестнице? Это предстоит выяснить.

Значительны различия верхнего и нижнего слоев среднего класса и по занятости в государственном, акционерном и частном секторах экономики (рис. 7). Больше половины верхнего среднего класса работает в своей собственной фирме или является наемным работником в частном секторе (53,7 %), 46,3 % заняты на акционерных предприятиях и только 2,4 % работают в госсекторе. В отличие от этого слоя 43,3 % нижнего среднего слоя работают на государственных предприятиях, 16,1 % на акционерных. Свой бизнес имеют только 5,1 % нижнего слоя, трудятся на чужих частных предприятиях 13,1%. Можно сделать вывод, что именно работа в частном секторе, и не только в качестве собственника-

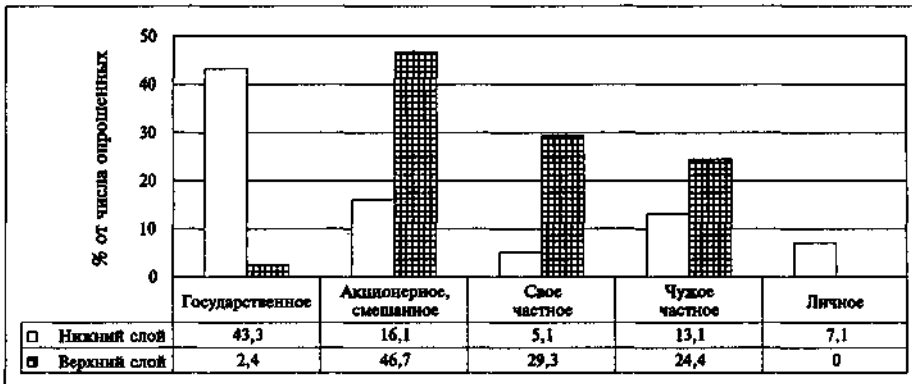

Рис. 7 Занятость среднего класса по типам предприятий

менеджера, но и в роли наемного работника, предопределяет попадание в верхний слой среднего класса.

Многие представители и верхнего, и нижнего слоев среднего класса (более 40 %) имеют вторую работу, а также разовые и временные приработки, как правило, в частном секторе экономики (табл. 8).

В составе верхнего среднего класса заметен численный перевес предпринимателей, управленцев и работников сферы быта и услуг, где почти 100 % — это частный бизнес. Нижняя часть среднего класса в профессиональном отношении более традиционна и напоминает профессиональную структуру советского типа. Предпринимательством заняты только 12 %, среди которых немало и представителей мелкого челночного бизнеса.

Анализ данных 2002 г. позволяет отметить, что ориентация на рыночную экономику и в нижней и в верхней части среднего класса приблизительно одинакова, но существенно различается оценка роли частной собственности в промышленности и на земли сельскохозяйственного назначения. Верхний слой среднего класса — большой сторонник частной собственности на эти объекты, тогда как нижний слой среднего класса больше ратует за государственную собственность (разница составляет соответственно 10 % и 15 %). Но обращает на себя внимание толерантность тех и других к различным формам собственности: нет идеологической упертости, все формы собственности должны иметь, по мнению представителей среднего класса, право на существование. Самое меньшее число сторонников в обеих группах получила собственность трудовых коллективов, видимо, как самая неэффективная.

За годы реформ средний класс привык надеяться в основном на свои собственные усилия и способности. Его представители высоко ценят свой профессионализм и считают, что улучшение их собственной жизни зависит прежде всего от них самих (92,7 % верхний средний слой, 82,9 % нижний).

Переживаемые Россией реформы оказали влияние на формирование в обществе возрастных когорт, которые выделяются по ряду важнейших социально-экономических характеристик и ценностных ориентаций.

При росте за последние четыре года положительного отношения к реформам во всех возрастных группах, в молодежных когортах (до 35 лет) перевес сторонников реформ наиболее значим (табл. 8).

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Таблица 7 Род занятий представителей среднего класса, % опрошенных

Специальность	Нижний слой	Верхний слой
Рабочие в промышленности	17,2	14,6
ИТР, управленцы среднего уровня	8,1	19,5
Руководители госпредпр. и акционер. обществ	-	4,9
Предприниматели	12,1	24,4
Бухгалтеры, экономисты, пр.	5,1	7,3
Гуманитарная интеллигенция	12,1	2,4
Работники сферы быта и услуг	6,1	17,1
Работники торговли	6,1	9,8
Военнослужащие	6,1	-
Студенты, учащиеся	8,1	-
Прочие	16,0	-

Таблица 8 Соотношение отрицания и поддержки (нет: да) реформ в возрастных группах

Год	Возраст, лет						
	до 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше
1998	1:4	1:8	1:3,5	1:2,5	1:1,5	1:1,2	1:0,9
2002	0:1	1:8,3	1:5,1	1:3,8	1:2,3	1:1,3	1: 1

Таблица 9 Распределение предпочтений о типе экономики, % давших определенный ответ

Тип экономики	Возраст, лет						
	до 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше
1998 г.							
Рыночная экономика	90,2	75,3	71,8	45,8	43,1	19,6	26,4
Плановая экономика	9,8	24,7	28,2	54,2	56,9	80,4	73,6
2002 г.							
Рыночная экономика	88,0	79,7	72,4	53,9	34,4	36,2	16,8
Плановая экономика	12,0	20,3	27,6	46,1	65,6	63,8	83,2

При оценке типов экономик — рыночной или плановой — перевес «рыночников» в 1998 г. фиксировался в возрастных группах до 35 лет, а в 2002 г. сторонники рынка стали перевешивать сторонников плана уже в возрасте до 45 лет (табл. 9).

Молодые возрастные когорты, прошедшие первичную и вторичную социализацию за годы реформ, наиболее успешно освоили новые, востребованные рынком специальности, быстрее переквалифицировались, сориентировались в своей трудовой жизни на новые типы предприятий. Поэтому предпочтение ими рыночной экономики, раскрывшей многим новые горизонты занятости, вполне объяснимо.

Среди трудоспособных наиболее противоречивая позиция возрастной когорты 45—54 лет, в которой к 2002 г. возросло число тех, кто считает, что рефор-

мы было необходимо начинать, но, видимо, большинство не довольны тем, как они проходят, и неудовлетворено своим положением в результате реформ, особенно в преддверии пенсионного возраста. Характерно, что более 65 % из этой когорты высказались за плановую экономику. Среди тех, кому за 60 лет, еще больше выросло число сторонников плановой экономики (83,2 %). Очевидно, что эта группа нуждается в большей социальной защищенности.

Чтобы понять такие различия в оценках плановой и рыночной экономики, посмотрим, где же реально работают представители тех или иных возрастных групп. Данные за 2002 г. позволяют увидеть, что наибольшее число владельцев частных предприятий (7,6%) приходится на группу 35–44 года, достаточно много предпринимателей и в группе 25—34 года (6,0 %). Среди тех, кто старше 45 лет, владельцев частных предприятий в процентном отношении совсем немного. Если же посмотреть на занятость респондентов на трех типах частных предприятий — в качестве частных владельцев, как наемных работников и как лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, то можно увидеть, что самая большая доля работающих в частном секторе приходится на возраст 25—34 года (27,6 %) и на 35—44 года (23,8 %). Кроме того, во всех возрастных группах до 45 лет каждый десятый занят в частном секторе на дополнительной работе (табл. 10).

Наше последнее исследование подтвердило ранее сделанный на основе данных 1998 г. вывод о том, что именно молодежь и лица в раннем зрелом возрасте в наибольшей степени почувствовали на своей собственной жизни новые возможности для самореализации и поднятия материального статуса. Спустя четыре года многие из них переместились в следующие возрастные когорты, не только не утратив своих позиций, но и упрочив их. Сейчас пик численности тех, кто считает, что выиграл от реформ, приходится на 25—34 года (15,6 %) и 35–44 года (14,3 %).

Работа в частном секторе или индивидуально позволяет иметь более высокий уровень жизни, чем при занятости в государственном секторе, и лица в более молодом возрасте активнее использовали возможности, открывшиеся институциональными изменениями в экономике. Предложенная в анкете шестиуровневая шкала оценки материального положения при ее сжатии до двух уровней — условно «необеспеченных» и «обеспеченных» — позволяет распределить возрастные когорты в 2002 г. следующим образом (рис. 8).

Эти данные опять показывают, что возрастная когорта 45—54 лет выделяется среди всех трудоспособных с низкой материальной обеспеченностью — 73 % можно отнести к необеспеченным, по их самооценке. Они чувствуют себя ущемленными, а между тем их символический капитал в виде «высокого образования!» не уступает таковому в более молодых когортах. Среди опрошенных в этой группе 28 % имели высшее образование. Можно сделать вывод, что не самообразование, полученное в прошлые годы, а молодой возраст, способность к переквалификации, состояние здоровья дают преимущества в условиях становления рынка в России.

Таким образом, за последние четыре года произошли изменения в дифференциации возрастных когорт. Если в 1998 г. 35-летний возраст был тем рубежом, который отделял успешно осваивавших рыночные стратегии экономического поведения от тех, которые не смогли адаптироваться к новым общественным условиям, то спустя четыре года этот рубеж сместился к 45 годам. Те, кто

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Таблица 10 Занятость в частном секторе(2002 г.), % опрошенных

Вид занятости	Возраст, лет						
	до 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше
Основная работа	6,9	17,9	27,6	23,8	11,2	1,7	0,6
Дополнительная работа	10,3	10,0	9,8	9,0	3,3	8,3	5,0

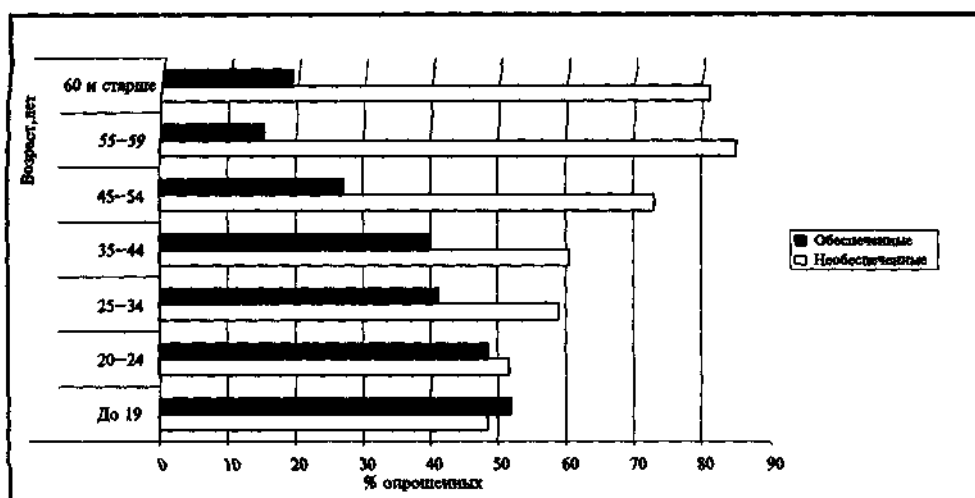

Рис. 8 Уровень материальной обеспеченности

старше этого возраста, находятся среди трудоспособных в самом невыгодном положении. Для них характерно уныние, низкая адаптационная активность, стратегии их экономического поведения не позволяют значительно и устойчиво улучшить материальный уровень жизни. Несколько улучшилось настроение и оценки материального уровня жизни у лиц пенсионного возраста, что связано, видимо, с несколькими повышениями пенсий в последние годы и умеренной инфляцией.

Вслед за изменениями в материальных условиях жизни и в связи с выработкой новых рыночных стратегий поведения усиливается самостоятельность и ослабевает патернализм в когортах до 45 лет, возрастает зависимость от действий общероссийской власти в более старших возрастных группах.

Наконец, при выборе альтернативы «свобода или безопасность личности», как и четыре года назад, наиболее радикально настроены те, кому еще нет 19 лет: 65,2 % (в 1998 г. — 54 %) высказались за свободу. Рост таких же ориентаций отмечается и в следующей группе — до 25 лет (на 9 %). Другие группы за четыре года почти не изменили своего выбора или у них уменьшилась ориентация на свободу (табл. 11).

Итак, возрастные когорты в России находятся в динамическом состоянии, связанном с включением их в рыночную экономику, освоением новых стратегий экономического поведения, усвоением новых образов и ценностей. Помимо тех особенностей в экономическом поведении и менталитете, которые обусловлены биологическим возрастом, свою роль играют общественные условия переходного периода, к которому активно приспособиться и в котором эффективно

Таблица 11 **Какое государство предпочтительнее: обеспечивающее свободу или безопасность, %** давших определенный ответ, 2002 г.

Ответ	Возраст, лет							Всего
	до 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше	
Государство, в котором обеспечена свобода личности	65,2	46,3	34,2	23,1	18,8	15,6	16,9	26,6
Государство, в котором обеспечена личная безопасность	34,8	53,7	65,8	76,9	81,2	84,4	83,12	73,4

действовать могут представители более молодых когорт. Но по мере развития экономики в новых рыночных обстоятельствах представители более старших когорт могут если и не становиться акторами рыночных преобразований, то все же играть в них более активную роль.

Куда влекут Россию ценности ее населения

Анализ эмпирических данных, характеризующих эволюцию ценностного сознания населения современной России, следует предварить кратким обзором теоретико-методологических предпосылок исследования этого предмета.

В социально-философских дискуссиях о характере и роли ценностного сознания в истории России обычно подразумевается, а нередко и определенно отмечается, что речь идет о сознании сравнительно узких слоев ее населения — династических и дворянских, буржуазных и разночинных, достаточно образованных. Естественно, на первый план выдвигаются взгляды и оценки выдающихся русских мыслителей, так или иначе выражавших интересы, позиции этих слоев. При этом обнаруживается широкий спектр «ценностных семей» отечества — от традиционных до постлиберальных³. Но такая дифференциация не относится к толщам народного сознания, которое до недавнего времени оставалось традиционным.

Да и откуда было появиться в этих толщах иному, нетрадиционалистскому сознанию? Первые его действительно массовые предпосылки зародились лишь с отменой крепостного права и с развитием капитализма в России во второй половине XIX в. Но «хождение интеллигенции в народ» показало, насколько еще далеко сознание народа от нетрадиционалистских, тем более либерально-демократических ценностей. Попытки большевиков внести социалистическое сознание в рабочее движение казались более успешными, но на деле советский модернизм обернулся революционной мифологизацией исконного российского традиционализма. Немногочисленные исследования ценностных пластов народного сознания в советскую эпоху выявили сохранившиеся глыбы традиционализма [Козлова 1996; Козлова, Сандомирская 1996].

Однако с середины XX в. мифологическая оболочка и ее традиционалистская подоплека все более интенсивно подвергались размыванию. Этому способствовал достигнутый к тому времени высокий уровень урбанизации страны и

³ См. сборники ИФ РАН: [Либерализм в России 1996; Опыт русского либерализма 1997; О свободе 2000].

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

образования населения. Начиная с хрущевской «оттепели» все шире распространяются гуманистические ценности из разряда общечеловеческих: мир на Земле, высокая нравственность, крепкая семья, благополучие Родины [Грушин 2001]. У молодежи обнаруживалось существенное влияние либеральных ориентаций на содержание труда. Впрочем, такие ценностные ориентации оставались на втором плане по сравнению с традиционными и общечеловеческими.

Затем перестройка и постсоветская трансформация разрушили многие завалы на пути свободы слова, вероисповедания, политических убеждений и организаций, частной собственности и др. Эти изменения в сочетании с высокой долей городского населения, его образованностью и развитием средств массовой информации, включая электронные, а также снятие «железного занавеса», отделявшего советских людей от непосредственных контактов с условиями жизни населения западных стран, позволяют сделать вывод, что *в конце XX в. впервые в истории России сложились условия для относительно свободного распространения либеральных ценностей среди широких слоев населения*⁴. В этом и состоит основная особенность современного этапа эволюции ценностного сознания российского общества.

Одновременно появилась возможность эмпирически исследовать соотношение традиционных и либеральных ценностей всего населения России. Уникальность такой возможности состоит в том, что она позволяет фиксировать распространение либеральных ценностей в толще прежде традиционного сознания народа. Анализ этого процесса до сих пор не проводился. Он предполагает решение ряда теоретико-методологических задач. Ключевой из них является построение социокультурной модели базовых ценностей, которая была бы релевантна структуре ценностей населения нашей страны.

Ценности — один из сложнейших объектов философского и научного познания. Каждая из областей познания, которая включает ценности в свой предмет, видит в нем свое особое качество, использует собственные методы его постижения и получает свои результаты. Конечно, между ними есть не только различия, но и общее.

Для философии ценность — одна из основных универсалий, составляющих глубинный слой структуры личности. Она относится к тем универсалиям культуры, которые характеризуют сущность человека как субъекта деятельности, его отношение к другим людям и обществу в целом. Одновременно она заключает в себе специфический смысл данной культуры и данного общества [Стетин 2001].

Каждая философская концепция выстраивает свое понимание ценностей. Так, для Бердяева человек есть существо оценивающее. Определение ценностей и установление их иерархии есть трансцендентальная функция сознания. В этой иерархии ценность выше полезности, свобода — выше справедливости. Но сама свобода есть главный источник трагизма жизни (см.: [Бердяев 1990]).

Социолог конкретнее подходит к проблеме ценностей. Э. Дюркгейм видел в ценностях идеалы, функция которых состоит в преобразовании реальностей, к которым они относятся [Дюркгейм 1993, с. 394]. Макс Вебер усматривал в ценностях одно из оснований (мотивов) социального действия. Ценность как мотив

⁴ Из дальнейшего изложения будет видно, что термин «либеральный» используется нами в широком, социетальном смысле, существенно отличающемся от политического и экономического.

социального действия означает, что оно основано на вере в «самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [Вебер 1990, с. 628].

По Т. Парсонсу, ценности являются одним из четырех независимых структурных компонентов любой социальной системы как объективной реальности, которая обусловлена не свойствами действующих субъектов, а состояниями и процессами их социального взаимодействия. Они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия определенных обязательств субъектами действия, обеспечивают сохранение и воспроизводство культурных образцов системы [Парсонс 1997, с. 18].

Социологи, предпринявшие эмпирические исследования ценностей, чаще всего понимают их как нормативные принципы, разделяемые всеми или большинством членов сообщества. Так, С. Липсет применил подход Парсонса к сравнительному анализу культурных паттернов в США, Канаде, Великобритании и Австралии. Было выявлено преобладание в США принципов достижения, универсализма и отличительности. В Англии эти ориентации выражены значительно слабее. Канада в этом отношении оказалась между США и Англией. Австралийское общество наиболее привержено принципу эгалитаризма.

Среди эмпирических исследований 1960—1970-х годов широко известны исследования Милтона Рокича (США) [Rokeach 1973, p. 9—10]. По Рокичу, ценность есть устойчиво и осознанно предпочитаемое благо. В сознании различных субъектов совокупность ценностей образует иерархическую структуру: верхний, наиболее устойчивый ее слой, составляют терминальные ценности, или ценности-цели, стратегические самооценности; ниже расположены инструментальные ценности, или ценности-средства, качества людей, желаемые для достижения терминальных ценностей, — они более подвержены изменениям.

Методика Рокича взята за основу кросскультурного изучения ценностей, которое осуществляется с конца 1980-х годов по инициативе Ш. Шварца (Иерусалимский университет). В 1970—1980-х годах получил широкое распространение еще один проект — «Материалистические/постматериалистические ценности», под руководством Рональда Инглехарта (США, Мичиганский университет) [Inglehart 1990].

В советском обществоведении внимание к ценностям обнаружилось во время хрущевской «оттепели», на рубеже 1950—1960-х годов. Оно исходило от философии и быстро попало «на зубок» возрождавшейся эмпирической социологии. В 1968 г. В.А. Ядов инициировал проект «Соотношение ценностных ориентации и реального поведения личности в сферах труда и досуга». В качестве объекта изучения была выбрана деятельность инженеров, занятых в проектно-конструкторских организациях. По результатам исследования было выделено стабильное «ядро», образуемое ценностями высокого ранга, и менее устойчивая периферия. В «ядро» тогда вошли такие ценности, как мир и хорошая обстановка в стране (доминирующее положение в ценностной иерархии); семья; работа; здоровье; жизнь, полная удовольствий. На «периферии» оказались жизненная мудрость, красота, любовь, свобода, творчество [Ядов 1979, с. 3].

В 1970—1980-х годах Н.Ф. Наумова, анализируя ценностные аспекты труда, увидела в «ядре» приоритетные ценности, используемые предпочтительнее (чаще) других. По ее данным, это — доброжелательное отношение, независимость, творчество, надежное будущее, хороший заработок. Вблизи ядра располагается

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

«периферия», или резерв ценностей, к которым индивид обращается реже, чем к первым. На периферии находятся уважение людей, польза обществу, долг перед ним, не слишком тяжелый труд, профессиональное совершенствование. Наконец, реже всего используемые ценности образуют «хвост», или те ценности, которые никогда не попадут в «ядро», — организаторские способности; спокойная работа [Наумова 1988].

А.Г. Здравомыслов привлек внимание к взаимосвязи трех важнейших понятий — потребностей, интересов, ценностей. Ценностное восприятие действительности порождает мотивацию действий и поступков. Реализуя историко-социологический взгляд на развитие ценностей, он отметил, что первым сформировался классический ряд ценностей — истина, добро, красота. Затем были провозглашены идеалы равенства, свободы, справедливости. Затем утвердились ценности труда и мира между народами [Здравомыслов 1986].

Приступая осенью 1989 г. к разработке программы исследования «Наши ценности сегодня», авторы отчетливо сознавали, что советское общество и советский человек оказались в состоянии общего социокультурного кризиса: наблюдались дезинтеграция общества и утрата идентичности личности по многим параметрам. Предстояли глубокие преобразования общества и человека.

Замысел исследования, сформулированный в октябре 1989 г., был опубликован сначала в сборнике ИФ АН СССР [Латин 1991 с. 5—6], затем в журнале «Мир России» [Латин 1992, с. 14—16, 29]. Напомню его:

«Главная цель исследования: через изучение ценностей, актуализировавшихся в условиях перестройки, выявить существенные социальные характеристики кризисного этапа развития советского общества, предложить вариантный прогноз преодоления этого этапа.

Этой цели соответствуют основные задачи исследования: 1. Зафиксировать наиболее значимые в настоящее время поведенчески-мотивирующие ценности населения РСФСР, их структуру и объективные функции на современном этапе социального развития РСФСР. Гипотезы: ценности поляризованы и осознаются как таковые; значительному числу людей свойственны настроения пессимизма, тупиковости дальнейшего движения, что соответствует кризисному этапу развития общества.

2. Обнаружить реальных носителей этих ценностей путем сопоставления, с одной стороны, социально-профессиональных групп, а с другой — социально-исторических групп. Гипотеза: в настоящее время актуализировались, более значимы социально-исторические группы как субъекты поведенчески-мотивирующих ценностей.

3. Предложить вариантный прогноз динамики нынешней структуры ценностей. Гипотеза: или эскалация социальных напряженностей, вызываемых поляризованностью ценностей, ведущая к углублению общего кризиса раннесоциалистического общества; или усвоение культуры диалога между социальными группами, отстаивающими полярные ценности, и формирование на этой основе новых ценностей, открывающих путь к новому ценностному консенсусу народа».

Эмпирические данные, полученные на первом этапе полевых исследований (июль 1990 г.), подтвердили все три гипотезы. Третья гипотеза подтвердилась в ее первом, конфронтационном варианте. Эмпирически корректно было зафиксировано, что уже в середине 1990 г. 30 % россиян видели опасность социальной катастрофы СССР. Но вероятность отката назад, к тоталитаризму, который мог

стать катализатором катастрофы, усматривали лишь 5 % россиян. Впервые этот результат был опубликован в ноябре 1990 г. При этом моя собственная оценка опасности социальной катастрофы, с учетом возможного ее катализатора, составила 45 %: вероятность социальной катастрофы самой по себе я оценивал лишь в 15 %, а вероятность отката назад, к тоталитаризму как катализатору катастрофы, в 30 % [Латин 1990, с. 93—97; Латин 1992, с. 14—16, 29]. Уже в 1991 г. исторические события, к сожалению, подтвердили правоту этих оценок россиян, а значит, и нашего исследовательского подхода, позволившего получить такие оценки. Подробный анализ результатов анализа первого этапа исследования дан в книге «Кризисный социум» [Кризисный социум 1994].

При подготовке второго этапа исследования (1994 г.) потребовалось адаптировать его методологию применительно к условиям России как кризисно-реформируемого общества: став независимым государством, оно унаследовало основные черты кризиса советского общества и одновременно осуществляет радикальные реформы. Опираясь на результаты первого этапа, мы следующим образом сформулировали ключевую гипотезу исследования: «в кризисно-реформируемом социуме не только происходит структурный кризис ценностей, но и качественно меняется их роль в эволюции общества — новая структура общественных представлений индивидов и социальных групп о добре и зле, об одобряемых и осуждаемых нормах поведения приобретает (если использовать понятия синергетики) функции аттракторов, своего рода встроенных магнитов, удерживающих общество хаотической области или же вытягивающих его из хаоса и влекущих общество к новому социокультурному состоянию» [Латин 1996, с. 4].

Используя накопленный методологический опыт изучения ценностей, мы сосредоточили внимание на принципах отбора изучаемых ценностей и на поиске таких методических средств, которые позволили бы оставить в стороне идеологические стереотипы недавнего прошлого и извлечь бытийные аспекты ценностного сознания россиян, существующие «здесь и теперь».

Решая первую задачу, мы исходили из того, что «ценности — это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях... Каждая ценность и система ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе» [Латин 2000, с. 131]. Понятно, что ценности отличаются от социального положения индивида, которое характеризуется совокупностью статусов и ролей: человек может высоко ценить семью или свободу, но фактически не иметь их.

В итоге дискуссий и пилотажных опросов были определены 14 базовых ценностей — 7 терминальных и 7 инструментальных. Воспроизведем их по публикации 1994 г. с некоторыми уточнениями, четче дифференцирующими терминальные и инструментальные ценности [Латин 1994, с. 92]. Дифференциация позволяет видеть в терминальных ценностях прежде всего желаемые социальные отношения, а в инструментальных — качества субъектов, необходимые для реализации желаемых отношений.

Терминальные ценности

1. *Жизнь индивида* как самоценность.
2. *Семья*, личное счастье, продолжение рода.

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

3. *Традиция*, высокое уважение принятых в обществе правил, следование им.
4. *Порядок* как установленный государством правопорядок, который обеспечивает безопасность индивида, равноправность его отношений с другими.
5. *Свобода* в современном значении этого слова как «свобода для...».
6. *Работа* как способ самореализации личности в труде.
7. *Благополучие*, доходы, комфорт.

Инструментальные ценности

8. *Нравственность* как качество поведения человека в соответствии с моральными и эстетическими нормами.
9. *Инициативность*, предприимчивость, способность выразить себя, выделиться.
10. *Независимость* как желание руководствоваться собственными критериями, противостоять внешним обстоятельствам.
11. *Общительность*, взаимопомощь в семье, с друзьями, другими людьми.
12. *Жертвенность* как готовность помогать другим в ущерб себе.
13. *Властность* как желание оказывать определяющее влияние на других, конкурировать и добиваться успеха, победы.
14. *Своевольность* как архаичная «свобода от...» ограничений волеизъявлению индивида, тяготеющая к вседозволенности, но не тождественная ей.

Понятно, что любой список ценностей вызывает немало вопросов. Тем не менее с 1990 г. по настоящее время мы этот список не изменяли и считаем, что как минимальный он выдержал проверку временем. Он неплохо удовлетворяет сразу пяти критериям: 1) включает лишь наиболее общие, базовые ценности, хотя и далеко не все из них; 2) среди них равно представлены оба типа ценностей — терминальные и инструментальные; 3) представляет социокультурные типы ценностей — традиционные, либеральные, общечеловеческие; 4) выражает основные потребности индивида — витальные, социализационные, интеракционные, смысложизненные; 5) каждая ценность операционализирована, т. е. конкретизирована в виде нескольких суждений, по отношению к которым респонденты отмечают степень своего согласия. Это позволяет получить эмпирические данные о распространенности, поддержке населением данной ценности.

В основе предлагаемой дифференциации базовых ценностей на социокультурные типы лежит представление о существовании двух основных типов взаимоотношения между индивидом и обществом или двух типов антропосоциетальной респонсивности. Исторически первый ее тип — традиционалистский. Высшей ценностью служит традиция как совокупность сложившихся обычаев, правил, норм, законов. Следование их предписаниям составляет непререкаемую норму (вплоть до жертвенности) поведения человека в основных сферах жизни общества (например, в большой традиционной семье, клане). Впрочем, жертвенность дополняется своевольностью поведения человека в приватно-локальных областях его жизни; иногда своевольность спонтанно прорывается в более широкие сферы. Такое общество именуют традиционным, традиционалистским, закрытым.

Другой, исторически более поздний тип антропосоциетальной респонсивности — либеральный. Высшими ценностями здесь служат жизнь и свобода индивида, его независимость в выборе ценностей и норм, возможность по своей инициативе легитимно изменять социальные структуры и процессы. Эти свободы ограничиваются аналогичными свободами других людей, дополняются

традиционными предписаниями, которые, однако, не доминируют. Такое общество именуют современным, открытым, либеральным.

Нетрудно видеть, что в излагаемой здесь концепции термин «либеральный» обозначает один из двух социокультурных типов общества, т. е. имеет социетальный смысл. Это — субстанциональный его смысл. Вместе с тем его конкретное содержание изменяется в зависимости от особенностей культуры и этапа социальной эволюции общества, области применения (политика, экономика и др.). Неправомерно редуцировать субстанциональный, социетальный смысл термина «либеральный» к какому-либо частному, исторически относительно его значению, как бы злободневно оно ни звучало в данный момент.

Соответственно мы выделили два социокультурных типа базовых ценностей — традиционные и либеральные. Заметим, что имеется значительный их слой, нейтральный к данной типологии. Такие ценности можно охарактеризовать как общечеловеческие. Это — ценности порядка, благополучия, работы, нравственности и др. Их особенность состоит в том, что в различных типах общества они принимают окраску своей среды: на первый план выступают то одни, то другие их компоненты.

Сказанное позволяет предложить в качестве исходной следующую модель базовых ценностей населения России на современном этапе ее трансформации (табл. 12).

Конечно, можно оспорить помещение некоторых ценностей в те или иные клеточки приведенной таблицы. По-видимому, маловероятно достичь 100 % консенсуса экспертов в отношении рассматриваемого ценностного пространства. Все же относительно 60 % или даже 70 % этого пространства консенсус возможен. В любом случае привлекает симметрия данного пространства. Но более важно, что его наполнение эмпирическими данными, как ниже будет показано, полностью соответствует теоретическим ожиданиям. Такое соответствие можно рассматривать как аргумент в пользу предложенной модели. Существенно также, что она позволяет строить не однотипные (традиционалистские или либеральные), а более сложные, синтезирующие структуры ценностей.

Как получать от респондентов информацию об изучаемых ценностях? Можно это делать «в лоб», предлагая респондентам ранжировать свое отношение к приведенным формулировкам ценностей. В стабильных условиях это приемлемо. Но в кризисном обществе каждая ценность предстает перед людьми разными, подчас противоположными гранями. Поэтому предпочтительнее вербализовать эти грани в виде альтернативных ценностных суждений и именно эти суждения предложить респонденту как предмет его ценностного отношения. Всего для операционализации 14 ценностей были построены 22 пары ценностных суждений.

Операционализация проводилась в соответствии со следующими методологическими принципами:

1. *Содержательной полноты* (качественный смысл, сущностное содержание каждой ценности представлено основными ее аспектами).

2. *Бытийности* (каждый ценностный аспект выражает форму бытия соответствующей ценности, релевантную той или иной потребности индивидов — витальной, интеракционной, социализационной, смысложизненной).

3. *Функциональной альтернативности* (каждый ценностный аспект представлен в виде альтернативной пары ценностных суждений, одно из которых

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Таблица 12 Социокультурная модель базовых ценностей

Ценности	Традиционные	Общечеловеческие	Либеральные
Терминальные	Традиция Семья	Порядок Благополучие Работа	Жизнь индивида Свобода
Инструментальные	Жертвенность Своевольность	Общительность Нравственность Властность	Независимость Инициативность

выражает преимущественно интегрирующую, а другое — дифференцирующую функцию в обществе).

4. *Дополнительности* (поскольку один аспект может входить в содержание двух ценностей, то одно суждение может быть источником информации для двух и более ценностей).

Следовательно, информацию о любой ценности мы получаем на основании не одного, а, как минимум, двух суждений, составляющих альтернативную пару. Практически же для большинства ценностей используется информация на основе двух пар суждений. В процессе интервью респондент выражает степень своего согласия/несогласия с каждым из 44-х суждений (не попарно, а врозь) по 11-балльной шкале. Число респондентов, выразивших согласие с соответствующими суждениями, означает степень поддержки той или иной ценности.

Общая картина эмпирических данных, свидетельствующих об эволюции поддержки ценностей в кризисной фазе трансформации российского общества, представлена в табл. 13.

Легко заметить определенную упорядоченность этих данных. Она проявляется прежде всего в существовании нескольких слоев ценностей, различия между которыми по степени поддержки населением больше, чем внутри каждого слоя. По этому формальному основанию отчетливо различаются три слоя: *ядро* — ценности, поддерживаемые более 57 % населения и потому имеющие самые высокие ранговые номера (1—3), *периферия* — поддерживают менее 30 %, а большинство отвергает их; соответственно самые низкие (ранговые номера 13—14) и большой *промежуточный слой* — поддерживают 30—57 %, ранговые номера 4—12). Внутри последнего слоя нет формальной дифференциации. Но по своему содержанию верхняя часть ценностей этого слоя тяготеет к интегрирующему ядру, а нижняя — к конфликтогенной периферии. Поэтому напрашивается его дифференциация на два слоя: *интегрирующий резерв* (поддержка 45—57 %) и *оппонирующий дифференциал* (поддержка 30—45 %).

Общей функцией всех ценностей является интеграция индивидов в социальное сообщество. Вместе с тем различные ценности имеют неодинаковое влияние в обществе. Одни ценности разделяются подавляющим большинством его членов, а другие, напротив, явным меньшинством. Интегрируя меньшинство, они дифференцируют его от большинства. Поэтому необходимо конкретизировать характер интегрирующей функции ценностей по их слоям.

Прежде всего выделим функцию, выполняемую ядром ценностей, которые поддерживают свыше 57 % населения. По результатам четырех исследований нашего мониторинга в это ядро входят такие универсальные, общечеловеческие ценности, как порядок и общительность. Порядок понимается как гарантированные законом безопасность жизни человека и равенство прав всех граждан.

Таблица 13 Структура и динамика ценностей населения России (1990—2002 гг.),
% поддержавших соответствующие ценности

Июль 1990, n = 973	Март 1994, n = 1062	Июнь 1998, n = 1100	Июнь 2002, n = 1030
Интегрирующее ядро (свыше 57 %)			
1 Порядок 65,3	1 Порядок 74,8	1 Порядок 69,4	1 Семья 72,8
2 Семья 61,0	2 Семья 69,3	2 Семья 66,8	2 Порядок 69,8
3 Общительность 57,3	3 Общительность 67,7	3 Общительность 62,2	3 Общительность 67,0
Интегрирующий резерв (45,0—57,0 %)			
4 Нравственность 48,3	4 Свобода 56,1	4 Свобода 48,8	4 Свобода 56,7
5 Свобода 46,1	5 Независимость 49,8	5 Независимость 48,7	5 Независимость 55,8
6 Жизнь индивида 45,8	6 Нравственность 46,7	6 Благополучие 48,3	6 Благополучие 50,8
	7 Работа 45,3	7 Жизнь индивида 47,5	7 Нравственность 49,7
		8 Нравственность 47,0	8 Жизнь индивида 48,4
			9 Инициативность 48,2
			10 Традиция 45,3
Оппонирующий дифференциал (30,0—44,9 %)			
7 Работа 43,9			
8 Жертвенность 43,5	8 Жизнь индивида 44,1		
9 Традиция 41,0	9 Инициативность 40,0	9 Традиция 44,1	
10 Независимость 40,0	10 Традиция 7,1	10 Инициативность 39,1	
11 Инициативность 36,2	11 Благополучие 36,2	11 Жертвенность 38,8	11 Работа 41,0
12 Благополучие 30,0	12 Жертвенность 34,5	12 Работа 38,0	12 Жертвенность 40,5
Конфликтотенная периферия (менее 30,0 %)			
13 Своевольность 23,3	13 Своевольность 24,7	13 Своевольность 21,7	13 Своевольность 24,3
14 Властность 17,4	14 Властность 22,3	14 Властность 17,1	14 Властность 20,6
Средние значения изучаемых ценностей			
42,8	46,3	45,5	49,3
Общие тенденции			
Рационализация, либерализация	Стабилизация, частичная делиберализация	Закрепление либерализации	

Поскольку такого порядка в последнее десятилетие явно недостает, его ценность устойчиво занимает первые места в сознании россиян. Напротив, общительность всегда очень важна для россиян. Равным образом важна и семья, также входящая в ценностное ядро, но относящаяся к традиционным ценностям. Для большинства россиян эти базовые ценности были и остаются надежным прибежищем от социальных потрясений. Именно они образуют первичную ткань современного российского общества, первооснову взаимодействия всех его членов. В этом смысле функцию ценностного ядра можно определить как *универсально-интегрирующую*.

Интегрирующий резерв ценностей выполняет специализированную, *культурно-интегрирующую* функцию. Здесь наблюдается разнообразие типов ценностей и большая изменчивость их состава. По вектору его изменений можно судить о тенденции эволюции общества как социокультурной системы.

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Оппонирующий дифференциал противостоит интегрирующему резерву и выполняет симметричную ему культурно-дифференцирующую функцию. Ему также свойственны разнообразие и изменчивость состава, свидетельствующие о тенденции эволюции общества.

Наконец, конфликтогенная периферия выполняет *конфликтно-регулирующую* функцию. В нашем исследовании этот слой представлен двумя инструментальными ценностями — властью и своевольностью. Первую мы отнесли к общечеловеческим ценностям, ее разделяют около 20 % россиян. Вторая же является традиционалистской, тяготеет к вседозволенности; она издавна практикуется в России и «низам», и «верхам», да и сейчас ее поддерживают 23—24 % населения.

Уже одно это противостояние власти и своевольности означает конфликт. Другая сторона конфликтогенности периферийного слоя заключается в том, что обе составляющие его ценности большинством отвергаются. На одного человека, поддерживающего ту или иную из этих ценностей, приходится два отвергающих ее. По сути дела речь идет о конфликтах в культурных основаниях властно-регулирующей функции общества.

Как видно из табл. 13, края структуры ценностей (ее ядро и периферия) весьма стабильны, а почти все изменения происходят в большом промежуточном слое, точнее, во втором и третьем слоях ценностей. За 12 лет интегрирующий резерв вырос вдвое. Четыре из шести составляющих его ценностей стали либеральными, поддержка каждой из них расширилась на 10—15 %. Напротив, оппозирующий дифференциал сжался с шести ценностей до трех и стал отчетливо традиционалистским. В целом он сохраняет значительную поддержку населения (40—45 %), что отражает неоднородность российской культуры, ориентированность одних ее компонент на либеральные, а других — на традиционалистские ценности.

Сказанное иллюстрирует рис. 9, построенный по средним данным для каждого социокультурного типа ценностей и для их совокупности. Средняя для всех типов ценностей показывает общий рост их поддержки с 42,8 % до 49,3 %, т. е. повышение интенсивности ценностного сознания россиян, значит, и его влияния на их поведение. Выше средней росла поддержка общечеловеческих и либеральных ценностей, которая в 2002 г. достигла максимума. Поддержка традиционных ценностей росла медленно, оставаясь заметно ниже совокупной средней.

Таким образом, налицо общая тенденция либерализации структуры базовых ценностей. Впервые она проявилась в 1990—1994 гг. Уже тогда мы сделали вывод о том, что российское общество находится отнюдь не в начале, а примерно в середине своего движения к современной системе ценностей или во второй половине этого пути. К сходным выводам пришли Б.З. Докторов [Докторов 1994, с. 11—19] и А.В. Андреевкова [Андреевкова, 1994, с. 79—80].

В последующем, к июню 1998 г., наблюдалась частичная делиберализация структуры ценностей. Но на рубеже столетий она была преодолена, все либеральные ценности сосредоточились в интегрирующем резерве, а свобода оказалась весьма близко к ценностному ядру. С полным основанием можно подтвердить вывод о постепенной либерализации ценностного пространства российского общества.

Однако некоторые российские социологи не приемлют таких результатов. Например, М.А. Шабанова, ссылаясь на материалы своих исследований, повто-

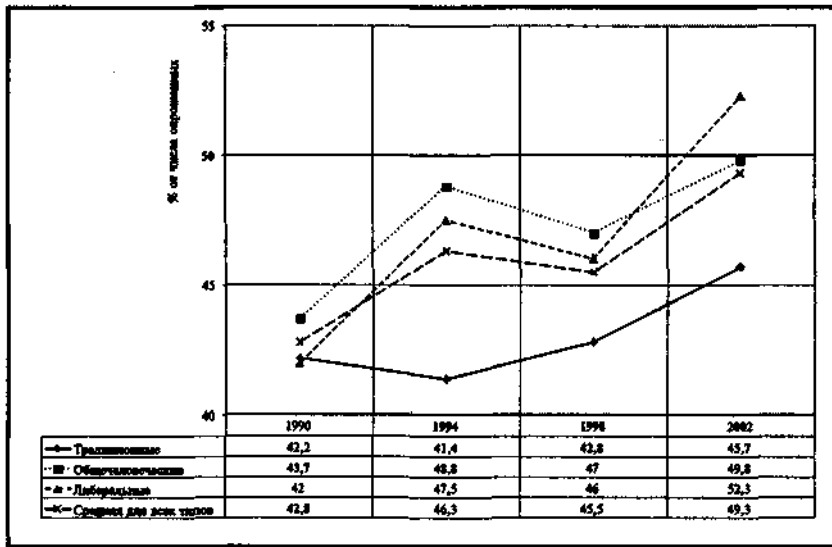

Рис. 9 Изменение совокупной поддержки социокультурных типов ценностей

ряет сделанный ею в 2000 г. «вывод о том, что сегодня у российского общества шансов продвинуться к западной институционально-правовой свободе стало еще меньше, чем в начале реформ» [Шабанова 2003]. Но разве не ясно, что либерализация структуры ценностей, включающая повышение поддержки россиянами ценности свободы, и отсутствие аналогичной тенденции в области институционально-правовой свободы — это разные реалии: можно высоко ценить свободу или семью, но не иметь их. Вопрос состоит в том, как соотносятся эти разные реалии. Налицо противоречия между ними, которые и подлежат исследованию. Мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня» как раз и нацелен на такое исследование.

Оппонент утверждает, что сегодня у российского общества «стало меньше шансов» продвинуться к «западной» свободе. А кто исследовал эти «шансы» по сравнению с Западом на эмпирическом уровне? Уважаемый оппонент не только в цитируемой статье, но и в своей книге, к которой она адресует читателя, не приводит эмпирических данных относительно западной свободы, сопоставимых с ее собственными исследованиями феномена свободы в России. А сопоставлять российские реалии свободы с западными теориями (тем более идеологиями) свободы вряд ли более убедительно, чем опровергать характер эволюции ценностей данными об эволюции институционально-правовых реалий. И почему при оценке «шансов» не принимать во внимание вектор эволюции ценностей: разве ценности не влияют на эволюцию институционально-правовой свободы? А если влияют, то их либеральный вектор повышает шансы на либерализацию российского общества. Как выше было показано, ключевая гипотеза нашего мониторинга состоит именно в этом. Ее верификация составляет непростую задачу, к решению которой мы постепенно приближаемся.

Кроме того, либерализация ценностного пространства общества не тождественна «западной» либерализации в смысле, ограничивающем содержание этого процесса западными образцами. Согласно развиваемому мной социокультур-

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

ному, шире — социетальному, подходу, либерализация — это процесс социетальной трансформации, в ходе которого возрастают степени свободы индивида в его взаимоотношениях с обществом в границах общелиберального (кантовского) императива свободы. Этот процесс может происходить в любой стране, а там, где он происходит, имеет национальную специфику. Можно говорить об американской, английской, французской, немецкой, итальянской, испанской, а также о японской, российской и иных национально-специфичных либерализациях, если таковые наблюдаются в главном — в характере соотношения между индивидом и обществом.

Второе возражение М.А. Шабановой вызвано тем, что наблюдающийся рост самостоятельности россиян в решении своих проблем рассматривается в моей статье 2000 г. как «один из ключевых признаков движения к либеральному обществу». Действительно, я писал: «Объективно индивид оказался в положении, побуждающем его действовать самостоятельно, отказываясь от прежних мифов в пользу рациональных аргументов» [*Латин* 2000б, с. 35]. Оппонент, признавая, что «степень включения населения в самостоятельные социальные действия, без опоры на помощь властей, уже сейчас велика», считает, что этот рост «не приводит к расширению индивидуальной свободы, являясь, как правило, не добровольным, а вынужденным» [*Шабанова* 2003, с. 384]. Здесь происходит подмена понятий: в моей статье речь идет о новом объективном положении индивида, побуждающем его делать свободный выбор, а оппонент заменяет необходимость свободного выбора принуждением к однозначному поведению. Вместе с тем оппонент верно отмечает рост традиционной вседозволенности, которая, с моей точки зрения, составляет одну из ключевых проблем эволюции ценностей россиян [*Латин* 2000а].

Не буду останавливаться на других несоответствиях в аргументации оппонента. Но не могу обойти вопрос о правомерности экстраполировать результаты его исследований на современное российское общество. В приложении к монографии М.А. Шабановой дана такая характеристика информационной базы проведенных ею исследований: выборочные совокупности репрезентируют городское население Новосибирска и сельское население Новосибирской области и Алтайского края [*Шабанова* 2000, с. 298], но отсутствует обоснование того, что эти регионы репрезентируют все российское общество. Тогда почему автор распространяет полученные результаты на наше общество в целом? Кроме того, следует уточнить, к какому этапу российской трансформации относятся эти результаты: современному или предшествующему? Шабанова отмечает, что провела свои исследования в 1995—1997 гг., затем в декабре 1998 г. — январе 1999 г. Это известные периоды спада и дефолта, сменившиеся с конца 1999 г. стабилизацией и подъемом. Можно понять автора, который в книге (2000 г.) характеризовал то время как «сегодня», но нет оснований настаивать на этом в статье 2003 г.

Таким образом, исследование Шабановой имеет своим предметом свободу преимущественно как институционально-правовой феномен, а не как ценность. Полезно было бы рассмотреть соотношение этих аспектов свободы, но это не было сделано. Объектом изучения, как уже говорилось, являются Новосибирская область, включая Новосибирск, и Алтайский край, точнее их социальная трансформация на этапе, предшествующем современному. Иными словами, это локальное исследование, относящееся к минувшему этапу объекта. Само по себе оно определенно значимо. Сравнение его результатов с данными общероссийских исследований было бы полезно, поскольку позволило бы выявить обще-

российское и специфически региональное в трансформации изучаемых регионов. К сожалению, такое сопоставление не было проведено.

Вернемся к анализу результатов нашего всероссийского мониторинга. Недостаточно фиксировать общую тенденцию либерализации структуры базовых ценностей россиян. Необходимо выяснить, как дифференцируется ценностное пространство по терминальным и инструментальным составляющим.

Даже беглый взгляд на рис. 10 и рис. 11 позволяет обнаружить, что терминальные ценности расположены выше совокупной средней (средней для всех социокультурных типов), а инструментальные — ниже ее, т. е. первые имеют большую поддержку, чем вторые. Если сравнить средние значения поддержки тех и других ценностей, то это различие устойчиво находится в диапазоне 9—12 %. Это соответствует теоретическим представлениям о более высоком иерархическом ранге терминальных ценностей по сравнению с инструментальными.

Характер поддержки терминальных ценностей (см. рис. 10) в одном отношении существенно отличается от общей тенденции: наибольшую поддержку здесь имеют не либеральные, а традиционные ценности (семья, традиция). Их поддержка неуклонно растет, превышая терминальную среднюю на 1—4 %, а совокупную среднюю — на 7—10 %. Поддержка же либеральных ценностей (свобода, жизнь индивида) оказалась в данной группе немного ниже средней, но выше совокупной средней.

Напротив, в группе инструментальных ценностей (см. рис. 11) наиболее значительно выросла поддержка либеральных ценностей. Если в 1990 г. она составляла лишь 38 %, уступая общечеловеческим и менее чем на 5 % опережая традиционные, то в 2002 г. эта поддержка составила уже 52 %, опередив общечеловеческие на 6 %, а традиционные — почти на 20 %. Поддержка же традиционных ценностей оказалась на самом низком уровне: на 8—13 % ниже средней инструментальной и на 9—17 % ниже совокупной средней.

Эти факты, во-первых, подтверждают теоретическое ожидание более высокой устойчивости терминальных ценностей по сравнению с инструментальными. Во-вторых, они показывают, что в ответ на потребности адаптации к резко изменившимся условиям жизни либерализация российского ценностного пространства началась с изменения ценностей — средств или практических качеств индивидов, т. е. с инструментальных ценностей. В-третьих, они означают, что в современном российском обществе возникло существенное расхождение между социокультурными смыслами основных типов базовых ценностей. Наиболее влиятельные терминальные ценности остаются традиционными, а быстро повысившие свое влияние инструментальные ценности становятся либеральными.

Как оценить характер этого расхождения, возможные его последствия? По-видимому, оценка не может быть однозначной. В данный момент ценностное расхождение поддерживает возникшую ранее аномию в обществе. В ближней перспективе его последствия зависят от того, закрепится ли расхождение в качестве устойчивого противостояния традиционно-терминальных ценностей либерально-инструментальным или же оно приобретет характер диалога, обещающего в будущем более сложную структуру.

В этой связи уместно напомнить диалектическую идею снятия противоположностей в качественно новой целостности (Гегель, Маркс). Этой идее близка позиция Т. Парсонса, который рассматривал возникающую новую систему ценностей не как альтернативу, означающую утрату прежних ценностей, а как более

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

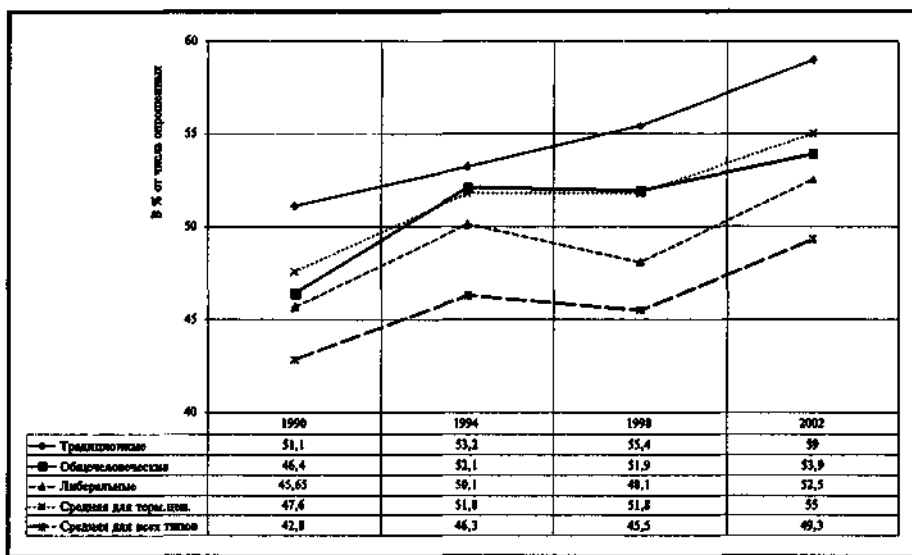

Рис. 10 Преимущественный рост поддержки традиционных терминальных ценностей

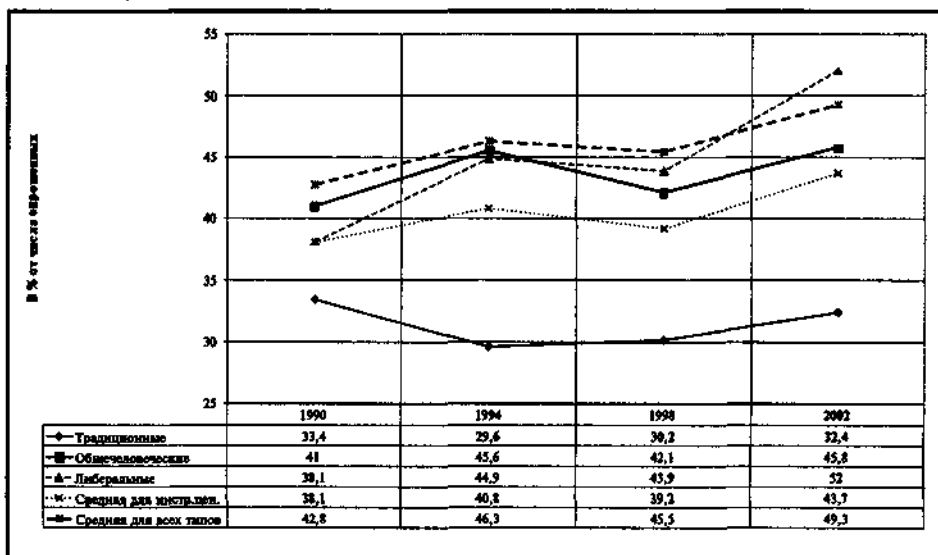

Рис. 11 Преимущественный рост поддержки либеральных инструментальных ценностей

общую, более универсальную их систему. По его оценке, «эти новые ценности должны быть более обобщенными в том смысле, что они могут легитимизировать функции обеих дифференцированных единиц в единой формуле, которая позволяет каждой из них делать то, что она делает, и, что столь же существенно, не делать того, чем заняты другие». Поспешные выводы о том, что старые ценности неизбежно утрачивают свои функции, Парсонс называл «романтическими идеологиями, бездоказательными утверждениями» и считал их свидетельством

«неполной институционализации переструктурированных ценностей» [Парсонс 2000, с. 720].

Охарактеризованная выше модель базовых ценностей как раз и позволяет обнаружить более универсальную, чем прежняя, структуру, которая возникает и утверждается по мере трансформации российского общества. Растущая поддержка либеральных ценностей означает не утрату функций традиционных ценностей и даже не всегда сужение диапазона их действия, а во многом их включение в новую, более сложную структуру ценностей.

Особого внимания заслуживает противоречие внутри терминальных ценностей — между свободой и традицией. Если в 1990 г. поддержка свободы была лишь на 5 % больше поддержки традиции, то в 2002 г. это превышение удвоилось (более 10 %). При этом поддержка традиции также возросла (превысила 45 %) и переместилась из оппозирующего дифференциала в интегрирующий резерв структуры ценностей. Терминальные ценности, наполненные противоположными социокультурными смыслами, взаимосвязаны выполнением общей, интегрирующей функции. Еще многограннее соотношение терминальных ценностей свободы и семьи. Либеральная свобода размывает большую традиционную семью, но оставляет простор для различных форм малой, одно- и двухпоколенной семьи.

Как известно, конфликт внутри терминальных ценностей вызывает наибольшие изменения во всей системе ценностей. Чтобы конкретнее понять характер соотношения традиционных и либеральных ценностей в современном российском обществе, следует исследовать структуру ценностей в различных социальных группах (стратах) и социокультурных регионах России, рассмотреть, как граждане России воспринимают свои конституционные права и свободы, их важность и реализуемость.

Права и свободы граждан России: их важность и нарушаемость

Во всех четырех исследованиях начиная с 1990 г. мы задавали респондентам вопрос: *«Насколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод в нашей стране?»*.

Предлагаемый перечень из 11 прав и свобод воспроизводился без изменений. По сути это нормы действующей Конституции Российской Федерации, хотя в 1990 г. ее еще не существовало. Ответы респондентов фиксировались по 5-балльной порядковой шкале: от «очень важно» (5 баллов) до «совсем не важно» (1 балл). Полученные данные позволяют количественно определить степень важности каждого права и свободы (процент отметивших «очень важно» и «пожалуй, важно» от общего числа опрошенных).

Согласно этим эмпирическим данным, а не по каким-либо априорным предположениям изучаемые 11 прав и свобод подразделяются на несколько слоев, различия между которыми по степени важности более значительны, чем внутри каждого слоя. В 1990 г. и 1994 г. выявились три таких слоя, в 1998 г. — четыре, а в 2002 г. — уже пять слоев. Это права и свободы, соблюдение которых: 1) очень важно (поддержка не менее 90 % респондентов); 2) определенно важно (75,0—

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Таблица 14 **Важность соблюдения прав и свобод человека (изменения с 1990 г. по 2002 г.), ранг/% ответивших**

Права и свободы	1990		1994		1998		2002	
	Ранги	%	Ранги	%	Ранги	%	Ранги	%
	Очень важные							
Равенство перед законом	3-4	94,6	2	97,3	3	94,7	1	97,1
Право на безопасность и защиту личности	6	92,1	4	96,0	5	93,8	2	96,7
Право на личную собственность	3-4	94,6	5	95,9	4	94,6	3	96,4
Право на труд	2	95,6	3	96,7	1	96,7	4	95,7
Право на образование	1	95,7	1	97,6	2	96,3	5	95,0
	Определенно важные							
Право на тайну личной переписки	9	89,3	6-7	91,3	7	81,2	6	85,7
Право на собственный язык, культуру	5	92,5	6-7	91,3	6	82,7	7	84,6
	Опред. важн.				Пожалуй, важные			
Свобода слова	7	91,5	9	83,4	8	71,0	8	74,8
Религиозные свободы, свобода совести	8	90,3	8	88,6	9	68,4	9	71,9
	Опред. важн.				Пож. не важн.		Менее важн.	
Право на эмиграцию	10	76,7	10	79,2	10	48,5	10	59,0
	Пожалуй, важные				Пож. не важн.			
Свобода объединений, союзов	11	71,0	11	64,6	11	41,7	11	44,6

89,0 %); 3) пожалуй, важно (60—74,9 %); 4) менее важно (50,0—59,0 %); пожалуй, неважно (менее 50,0 %).

Высший слой прав и свобод, соблюдение которых действительно очень важно, сформировался не сразу. В сводной табл. 14 показано, как последовательно нарастает дифференциация важности соблюдения прав и свобод человека от времен «перестройки социализма», когда почти все права и свободы (9 из 11) представлялись очень важными, до «жаркого» российского лета 2002 г., когда в числе очень важных оказалось всего пять прав и свобод. В итоге сложился достаточно устойчивый состав наиболее важных для россиян прав и свобод. В порядке их рангов, с 1-го по 5-й, он включает:

- равенство граждан перед законом;
- право на безопасность и защиту личности;
- право человека на личную собственность;
- право трудоспособного на труд;
- право каждого на образование.

Иначе говоря, в сознании россиян запечатлены в качестве самых важных действительно серьезные демократические завоевания человечества. Конечно, их ранговые места внутри этого слоя изменяются по мере изменения социально-политической ситуации в российском обществе. Так, право равенства перед законом в 1990 г. делило 3-й и 4-й ранги, в 1994 г. его ранг равнялся 2, затем немного снизился, а в 2002 г. стал самым высоким. Аналогичные колебания испытали и ранги других прав и свобод данного слоя.

Максимально динамичной оказалась ранговая позиция права на безопасность и защиту личности. В 1990 г. — 6-й ранг, но уже в 1994 г. подъем на 4-ю позицию и после некоторого колебания — в 2002 г. на 2-ю позицию.

Остальные шесть прав и свобод разделились на четыре слоя, значимость которых постепенно убывает, вплоть до «пожалуй, неважно». Но и здесь наблюдаются изменения, похожие на изменения в верхнем слое. Так, в «определенно важном» слое право на тайну личной переписки и право на собственный язык и культуру то делят между собою 6-й и 7-й ранги, то поочередно обмениваются этими рангами. Аналогичная картина и в следующем, «тоже важном», слое: здесь подобная инверсия рангов происходит между свободой слова и свободой совести. И лишь в «менее важном» слое — полная стабильность: право на эмиграцию сохраняет свой 10-й ранг, а свобода объединений — 11-й, последний.

Немало сомнений вызывает сравнительно низкий (8—9-й) ранг религиозных свобод. И это при высоком доверии населения к церкви. Необходимо вдуматься в контекст формирования такого ранга. Не меньше вопросов возникает и относительно устойчиво последнего, 11-го, ранга одной из опор демократии — свободы объединений, групп, союзов. Но сначала соотнесем важность прав и свобод в России с их нарушаемостью.

Респондентам был задан вопрос: «*Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод и как вы поступали в таких случаях?*».

Те, кто сталкивался с нарушениями, давали один из возможных ответов: не пытался отстаивать нарушенные права; чаще удавалось отстоять нарушенные права; чаще не удавалось их отстоять; никогда не удавалось это сделать; или же стандартные «не знаю», «отказ от ответа».

Вопрос о реализуемости декларируемых Конституцией прав и свобод отсутствовал в предшествующих опросах, поэтому имеются данные только за 2002 г. Полученная информация обобщена и представлена в трех наиболее значимых параметрах: 1) степень нарушаемости прав и свобод (Сн), т. е. доля тех, кто сталкивался с нарушениями прав и свобод, по отношению ко всем опрошенным; 2) коэффициент интенсивности отстаивания нарушенных прав и свобод (Ки); 3) коэффициент успешности отстаивания этих прав и свобод (Ку). При этом:

$$K_i = \frac{\% \text{ тех, кто отстаивал нарушенные права}}{\% \text{ всех, кто сталкивался с нарушениями}},$$

$$K_u = \frac{\% \text{ тех, кому удавалось отстоять нарушенные права}}{\% \text{ всех, отстаивал нарушенные права}}.$$

Обобщенные результаты представлены в табл. 15 и на рис. 12. Перечень прав и свобод дается в соответствии с ранжированием важности, охарактеризованным выше. Кроме того, по каждому параметру представлено свое ранжирование прав и свобод: ранги их нарушаемости (Рн); ранги интенсивности отстаивания нарушенных прав и свобод (Ри); ранги успешности такого отстаивания (Ру).

При внимательном взгляде на данные в табл. 15 и соотнесении их с данными табл. 14 привлекают внимание некоторые параллели и контрасты. Первые пять прав, отнесенных респондентами к категории очень важных, почти цели-

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

Таблица 15 Нарушаемости прав и свобод человека в России в 2002 г.

Ранг	Права и свободы	Нарушаемость прав и свобод		Интенсивность их защиты		Успешность защиты	
		Рн	Сн,%	Ри	Ки	Ру	Ку
1	Равенство перед законом	4	22,2	1	0,99	11	0,27
2	Право на безопасность и защиту личности	1	37,6	3	0,75	9	0,43
3	Право на личную собственность	3	22,6	2	0,82	5	0,48
4	Право на труд	2	30,1	5	0,71	7	0,45
5	Право на образование	6	18,0	6	0,69	3	0,53
6	Право на тайну личной переписки и т. п.	8	9,3	9	0,61	8	0,44
7	Право на свой язык, культуру	9	8,8	10	0,60	2	0,55
8	Свобода слова	5	20,7	4	0,74	10	0,38
9	Свобода совести, религиозные свободы	7	10,1	И	0,53	1	0,59
10	Право на эмиграцию	И	4,6	7	0,67	6	0,5
11	Свобода объединений, союзов	10	7,3	8	0,62	4	0,5
	Среднее значение = сумма / 11		17,4		0,70		0,46

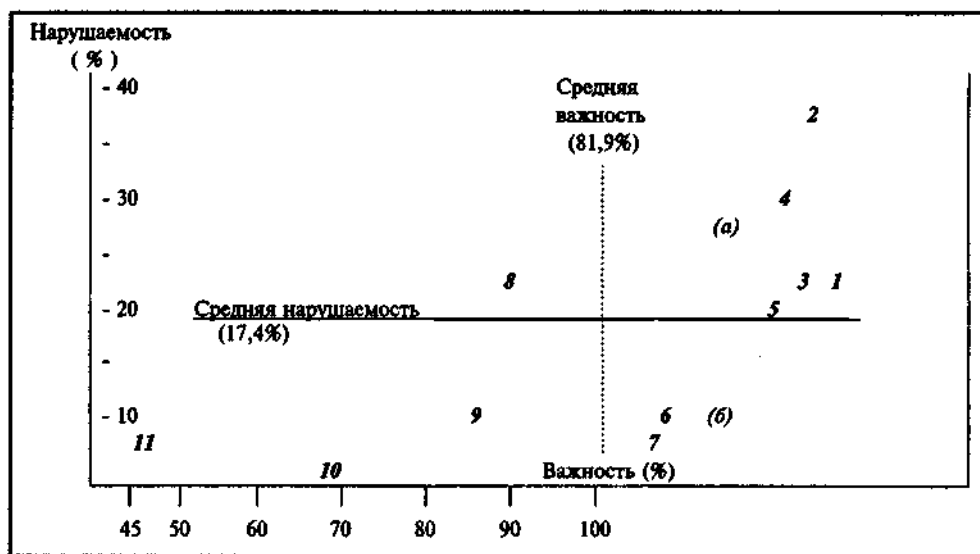

Рис. 12 Важность и нарушаемость прав и свобод в России (2002 г.)

ком оказались в числе наиболее нарушаемых и самых отстаиваемых. Фундаментальное право равенства граждан перед законом, лидирующее по важности, находится в первой пятёрке по частоте его нарушений; оно стало лидером по противостоянию нарушениям и одновременно аутсайдером по успешности такого противостояния, т.е. лидером по безуспешности.

Видна следующая закономерность: чем важнее то или иное право для граждан России, тем чаще оно нарушается, а защищается интенсивно, но безуспешно. И наоборот, право на эмиграцию и свобода объединений, занимающие последние места по важности, менее всего нарушаются, умеренно и небезуспешно защищаются. Эта закономерность наглядно представлена на рис. 12.

Здесь параметры важности и нарушаемости прав и свобод человека расположены на оси ординат, а образуемое социально-правовое пространство поделено на четыре части с помощью двух линий, которые выражают средние значения каждого параметра. В правой верхней части пространства совмещаются максимальная важность прав и свобод и их максимальная нарушаемость. Именно здесь наблюдается «большое созвездие» (а) наиболее важных для россиян и одновременно чаще всего нарушаемых прав и свобод. Немного левее и ниже расположено «малое созвездие» (б) вторых по важности и менее нарушаемых прав на тайну переписки и свой язык, культуру. Право на свободу слова особняком находится в верхней левой части, притом вблизи центра. Для рядовых граждан это не самое важное, а лишь «пожалуй, важное», но выше среднего нарушаемое право. Остальные три права менее важны и в соответствии с рангами менее нарушаемы.

Если этот рисунок дополнить параметрами успешности защиты прав и свобод, то будет видна зеркальная симметричность пространству их нарушаемости. Иными словами, российские граждане ведут себя вполне разумно: чем важнее конкретное право или свобода и соответственно чем чаще они нарушаются, тем чаще граждане отстаивают свое нарушенное право или свободу. Но профиль успешности их самозащиты печально симметричен: чем важнее нарушаемое право или свобода, тем труднее гражданину его защитить, и наоборот.

Наибольший контраст наблюдается в отношении права равенства граждан перед законом. Подчеркнем, ст. 19 Конституции РФ гласит: «Все равны перед законом и судом». Именно так и воспринимают это право граждане России: равенство не просто перед абстрактным законом, а перед судом по конкретному делу. По результатам рассмотрения дел в судах граждане оценивают реализуемость или нарушаемость права. На рис. 12 оно обозначено цифрой 1. Это самое нарушаемое право, поэтому оно показано крайним справа. Его нарушаемость значительно выше среднего, интенсивность его гражданской самозащиты — максимально высокая, а успешность этой самозащиты — минимально низкая.

Еще один пример контраста — свобода слова: по нарушаемостTM это право на пятом месте; по интенсивности самозащиты — на четвертом (в обоих случаях выше средней), а по успешности самозащиты — на предпоследнем, десятом (существенно ниже средней). В этом можно усмотреть знак солидарности респондентов с журналистами.

Напротив, наименее важные, по оценке респондентов, права и свободы демонстрируют позитивные соответствия между интенсивностью их самозащиты и ее успешностью. Это можно сказать о свободе объединений, праве на эмиграцию, свободе совести. Это же относится и к определенно важному праву на свой язык, культуру.

Как выше уже было показано, в настоящее время право на безопасность и защиту личности нарушается наиболее часто. Более трети респондентов (37,6 %) отметили, что сталкивались с его нарушениями. Прежде всего речь идет о преступлениях против личности, вплоть до убийств. Проблема роста преступности, незащищенность граждан от нее являются предметом всего цикла наших исследований. В 1990 г., еще в условиях СССР, она волновала около 75 % россиян, а четыре года спустя — уже свыше 95 % и с тех пор остается на самом высоком уровне. Четверо из пяти россиян свыше 10 лет постоянно ощущают свою неза-

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

щищенность от преступности как опасность номер один. Остальные тоже не избавлены от этого стрессового чувства.

Но дело не только в преступности. Вновь выросла и вышла на второе место (после преступности) незащищенность от экологических угроз (78 %). Около 73 % по-прежнему не защищены от бедности. Как и в 1990-х годах, сегодня более 70 % чувствуют себя не защищенными от произвола государственных чиновников. А ведь население все лучше понимает, что чиновники получают свою зарплату на средства налогоплательщиков, выделяемые на охрану прав налогоплательщиков.

Нельзя сказать, что сами граждане не пытаются отстаивать свою безопасность и не выступают в защиту своей личности. Такие попытки при нарушении этого права предпринимаются в трех случаях из четырех. По интенсивности попыток защиты оно занимает третье место, уступая праву равенства перед законом и праву на личную собственность. Однако только три из семи попыток завершаются успехом. По степени успешности это право находится на девятом месте. Это очень серьезная негативная характеристика прокурорско-следственной и судебной системы. Несомненно, она поощряет к дальнейшим правонарушениям в этой области.

Поэтому вполне закономерно, что право на безопасность и защиту личности осознается как одно из самых важных и самое актуальное. Его явно низкая реализуемость распространяется почти на всех россиян. Четверо из пяти респондентов (83 %) правомерно настаивают, что личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами.

Ошибочно думать, будто это исключительно российская проблема или проблема нецивилизованных обществ, далеких от «западной институционально-правовой свободы». Еще Н.А. Бердяев предупреждал: «Свобода есть главный источник трагизма в жизни» [Бердяев 1990, с. 291]. В наше время противоречия свободы анализировали Н. Элиас, У. Бек и другие социальные мыслители. Подытожил З. Бауман: «Теперь у нас есть все основания полагать, что полное примирение и бесконфликтное сосуществование свободы и безопасности — это недостижимая цель. Но не менее серьезны основания считать, что главная угроза *как* свободе, *так и* безопасности заключается в отказе от самого поиска условий их сосуществования или в ослаблении энергии, с которой ведется этот поиск. В нынешней ситуации основное внимание следует сосредоточить на той стороне искомого союза, где располагается безопасность» [Бауман 2002, с. 70].

Необеспеченность права на безопасность и защиту личности оборачивается критически низким доверием граждан к важнейшим государственным институтам. Это наглядно иллюстрирует рис. 13.

К 1990 г. уровень доверия граждан к институтам советской власти был серьезно подорван как ее собственными слабостями, так и сознательными действиями элит и антиэлит времен перестройки. К тому времени доверие продолжало снижаться второе десятилетие и достигло, как многим тогда казалось, едва ли не предела: 8 из 10 важнейших институтов советской власти пользовались доверием лишь около 40 %. А политические партии и движения, 11 из которых были зафиксированы тогда в нашем опросе, в среднем получили доверие лишь от 20,8 % населения, т. е. в два раза меньше, чем государственные организации. КПСС доверяли 31,6 %, а оппозиционная ей демократическая платформа в

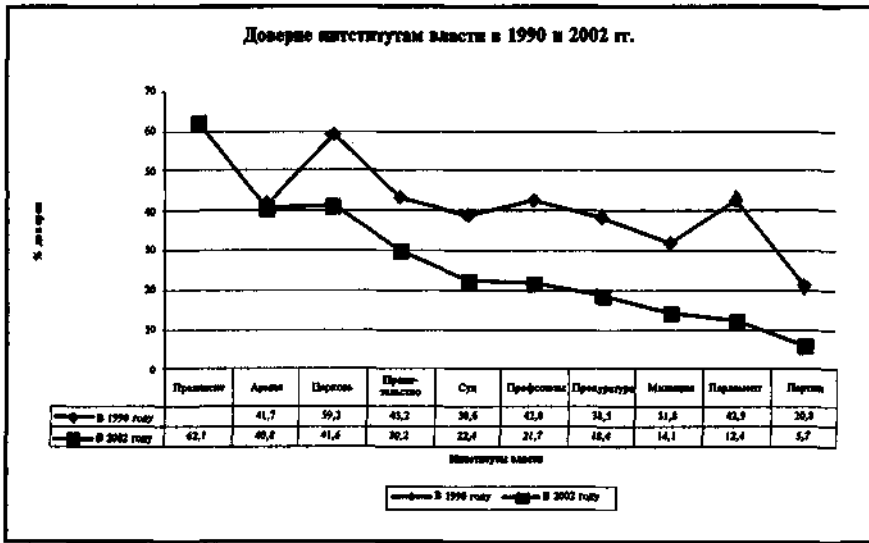

Рис. 13 Доверие к институтам власти в 1990 и 2002 г., % опрошенных

КПСС имела доверие 28,5 % населения. С большим отрывом максимальным доверием пользовалась к тому времени церковь — 59,2 %.

Миновали драматичные 1990-е годы. Законодательно закреплены, в той или иной мере реализуются демократические принципы разделения властей, усовершенствована система выборов. Но доверие населения к властям в 2002 г. не только не повысилось, но и стало в 1,5—3 раза ниже. Суды, прокуратура и милиция в среднем имеют доверие менее одной пятой населения (18,3 %). Парламенту оказывается еще меньше доверия (12,4 %). Немногом лучше обстоит дело у такой общественной организации, как профсоюзы (21,7 %), прежде объединявшей почти всех трудящихся. Политические партии теперь в среднем облечены доверием лишь 5,7 % населения, что чуть выше нынешнего проходного балла партий на выборах в Федеральное Собрание.

На этом фоне большим достижением оказывается доверие правительству (30,2 %). Естественно, еще выше доверие церкви (41,6 %), пекущейся о духовном здоровье человека, и армии (40,8 %), обеспечивающей территориальную целостность и обороноспособность страны. Доверие россиян лично нынешнему президенту страны устойчиво бьет все рекорды (62,1 %). Получается, что россияне отказывают в доверии всем институтам власти отнюдь не огульно, а выборочно, с умом.

Подводя итог проведенному анализу, можно отметить следующее:

- сохраняется незащищенность важнейших прав и свобод человека, серьезно препятствующая росту продуктивности труда и капиталов внутри страны;
- не менее чем для половины населения одинаково важны как свобода (демократия), так и безопасность (порядок); задача состоит в том, чтобы совместить их, закрепить такой социальный порядок, который в равной мере обеспечивал бы свободу и безопасность;
- нерешенность этих проблем блокирует потенциал ценностей свободы, независимости, инициативы, качественного труда россиян.

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

При сохранении этих проблем утверждающийся в России новый социальный порядок может институционализироваться как раннелиберальный, но при этом закрыть дальнейшие пути к зрелому либеральному обществу⁵. Если структура ценностей большинства россиян и дальше будет эволюционировать в направлении *более зрелого* либерализма (в его российском варианте), то новый социальный порядок, ограниченный рамками *раннего* либерализма, будет утрачивать культурную легитимацию. Это значит, что его устойчивость окажется по преимуществу формально-правовой, постоянно требующей силового подкрепления, а это будет питать авторитарные ориентации властей, т. е. деградацию возникшего социального порядка⁶.

Общие выводы

А. Растет доля россиян, у которых улучшаются условия жизни. Однако сохраняются беднейшие слои, составляющие не менее 25 % населения; условия их жизни продолжают ухудшаться. Поэтому приоритетной задачей остается адресная поддержка беднейших слоев населения, которая должна остановить ухудшение и начать улучшение условий их жизни. Это и непосредственная финансовая поддержка, и создание условий для переквалификации, позволяющей трудоспособным бедным самим «встать на ноги».

⁵ Ряд аспектов закрепления нового социального порядка рассмотрен автором в работе, посвященной памяти Л.А. Гордона [Латин 2003].

⁶ Россия имеет печальный опыт деградации раннелиберального порядка. Напомню принадлежащее Б.Н. Чичерину изложение двух ее примеров: «В России реакция началась еще при Александре II. Она была естественным результатом нигилистического движения. Она обнаружилась как в правительстве, так и в обществе. В правительственных сферах во главе ее стоял тогдашний шеф жандармов, ничего не понимавший в государственном управлении, кроме полицейских мер, и подыскивавший себе пособников из легковесных гвардейцев и бюрократов. В значительной части России введено было положение усиленной охраны; на место законного порядка водворился произвол. Однако главные основы реформ остались нетронуты. Царь, вынужденный вступить на несвойственный ему путь, свято оберегал совершенное им дело. Сам шеф жандармов вскоре был удален; в конце царствования либеральное направление снова восторжествовало.

Иной характер приняла общественная реакция. Здесь ее вожаком явился журналист, одаренный значительным умом, образованием и талантом, но чуждый всяких нравственных побуждений, имевший в виду только личные цели — достижение власти и влияния... Видя, что он теряет здесь почву, Катков обратился против всех независимых общественных сил. Земство, города, университеты, суды сделались предметом постоянных и яростных его нападок. Снизу покорная раболепность власти, а сверху бюрократия, послушная голосу журналиста, — таков был идеал, который проповедовал этот прежний либеральный писатель, недавно еще безусловный поклонник английских учреждений. Но пока жив был Александр II, эти стремления сдерживались желанием угодить царю-преобразователю, который дорожил своими созданиями. Как же скоро он пал жертвою убийц, так прежний льстец, считавший своим призванием прославлять мудрого монарха, обрушился на него всею силою своего ядовитого красноречия, осыпая ругательствами все совершенные им великие дела. Восстановление власти, перед которою все должны преклоняться, — таков был клич, раздавшийся из-за журнального стола, и правительство последовало этому зову. Катков первое время был одним из главных советников нового государя» (Александра III) [Чичерин 2000, с. 515—516].

Б. Продолжающийся мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня» постепенно добавляет аргументы, подтверждающие гипотезу о либерализации структуры ценностей как некоем аттракторе, вытягивающем российское общество из кризисного хаоса и влекущем наше общество к новому, либеральному состоянию. Но это не линейно прогрессирующий, а внутренне противоречивый процесс.

Глубинным препятствием трансформации российского общества стало противоречие между ценностью свободы человека и необеспеченной его безопасностью:

первый этап трансформации не может благополучно завершиться, пока свободе человека противостоит незащищенность самой его жизни, а его повседневная активность находится в тисках вседозволенности снизу и сверху;

чтобы гарантировать право на безопасность и защиту личности, требуются неординарные меры по повышению эффективности работы правоохранительных органов и по развитию гражданской культуры всего населения страны.

В. Кризисный хаос миновал. Мы живем в послекризисной России. Это значит, что преодолен системный кризис социума, когда условия жизни более половины населения постоянно ухудшались. Последствия кризиса преодолеваются неравномерно. Более того, при сохранении отмеченных выше противоречий возможна деградация возникшего социального порядка.

Литература

- ВЦИОМ, Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 2000 г., №5.
- Андреенкова А.В. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. № 11.
- Бауман З. Свобода и безопасность: неоконченная история непримиримого союза // З. Бауман. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс. М.: Academia, 2001.
- Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Трушин Б.А. Мир ценностей советской молодежи // Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Гл. 7.
- Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3.
- Дюркгейм Э. Суждения о реальности и ценностные суждения (1911). Цит. По: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993. (См.: СОЦИС. 1991. № 2).
- Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986.
- Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (Голоса из хора). М.: ИФ РАН, 1996.
- Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, 1996.
- Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / Общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФ РАН, 1994.
- Лапин Н.И. У перекрестка кризисных дорог // Отчуждение, ранний социализм и противоречия перестройки / Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: ИФ АН СССР, 1990.
- Лапин Н.И. Ценности в кризисном социуме // Ценности социальных групп и кризис общества / Редкол.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: ИФ АН СССР, 1991.

Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России

- Лапин Н.И.* Тяжкие годы России (Перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. № 1.
- Лапин Н.И.* Ценности как компоненты социокультурной эволюции // Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / Редкол.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: ИФ РАН, 1994.
- Лапин Н.И.* Краткая характеристика исследования // Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: УРСС, 1996.
- Лапин Н.И.* Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян // Куда идет Россия?... М., 2000а.
- Лапин Н.И.* Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000б. № 3.
- Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000. Близкая формулировка дана в статье «Тяжкие годы России» // Мир России. 1992. № 1.
- Лапин Н.И.* Закрепление нового социального порядка и проблема свободы граждан // Социологический калейдоскоп (памяти Леонида Абрамовича Гордона) / Редкол.: Г.Г. Дилигенский, Э.В. Клопов, А.К. Назимова. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Левада Ю.* Фактор надежды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 2.
- Либерализм в России / Отв. ред. В.Ф. Пустарнаков, И.Ф. Худушина. М.: ИФ РАН, 1996.
- Наумова Н.Ф.* Организация ценностей: предпочтения и резерв // Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.
- Опыт русского либерализма / Отв. ред. М.А. Абрамов. М.: Наука, 1997.
- О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX в.) / Отв. ред. М.А. Абрамов. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
- Степин В.С.* Культура // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. IV.
- Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX в.) / Отв. ред. М.А. Абрамов. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Шабанова М.А.* К интерпретации хода и перспектив современного трансформационного процесса в России // Куда пришла Россия?... М., 2003.
- Шабанова М.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
- Ядов В.А.* Ценностные ориентации // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Отв. ред. В.А. Ядов. Л.: Наука, 1979.
- Inglehart R.* Cultural Shift in Advanced industrial Society. N.-Y., 1990.
- Rokeach M.* The Nature of Human Values. The free Press. N.-Y., L., 1973.